

Е. Попов

**СОЦИАЛИЗМ
И СУДЬБА РОССИИ**

Евгений Борисович Попов

Социализм и судьба России

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16901823

Социализм и судьба России. / Попов Е.Б.: Пробел-2000; Москва; 2013

ISBN 978-5-98604-362-3

Аннотация

Для устойчивости обществ (организаций) из людей и животных необходима руководящая сила этого общества, способная противостоять враждебным целям общества внешним и внутренним врагам. При капитализме такой силой являются неформальные организации, создаваемые крупной буржуазией. Эти организации руководят формально высшей властью в виде Парламентов и Президентов. При социализме такой силой являются коммунистические партии. Для устойчивости общества руководящая сила должна быть невыборной. Социализм в СССР потерпел поражение в результате классовой борьбы, которая не прекратилась как в силу остатков частнокапиталистической (теневой) экономики, так и в силу подрывной деятельности капиталистического окружения (холодной войны). Социализм XXI века – это социализм СССР с ликвидацией в его надстройке недостатков настолько, насколько это позволит подрывная деятельность классового врага. Теоретики послекризисного марксизма не сумели превзойти Ленина (периода X съезда

РКП(б)). Среди правильных положений у них обязательно находится «ложка дёгтя» в виде того или иного оппортунизма. Развитие России идёт по сценарию «гибели империи» ввиду слабости и разобщённости сил, которые могут противодействовать этому сценарию.

Содержание

Часть I	13
Глава 1	13
1.1. Устойчивость сложных систем из животных	13
1.2. Буржуазная демократия	16
1.3. Структура власти при социализме	29
1.4. От диктатуры пролетариата к диктатуре бюрократии	37
Глава 2	46
2.1. Понятие хозяйственного механизма	46
2.1.1 Типы хозяйственного механизма	49
2.1.2. Хозяйственные механизмы различных общественных формаций	50
2.2. Закон соответствия	52
2.3. Этап «военного коммунизма»	56
2.4. Оптимальная модель хозяйственного механизма развитого социалистического общества	61
Глава 3	65
3.1. Хрущевский период	65
3.2. Брежневский период	71
3.3. Идеологическая борьба с Западом	75
3.4. Вторая модель социализма	83

3.5. Революционная ситуация в странах бюрократического социализма	91
3.6. Восточно-европейский ревизионизм	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Евгений Борисович Попов

Социализм и судьба России

Кризис социализма в результате победы контрреволюции в СССР поверг в шок многих современников. Они не понимают, как могучее государство без каких-либо существенных видимых причин, в условиях мира вдруг распалось, а государства, возникшие на его обломках, стремительно деградируют, превращаясь в сырьевые колониальные придатки империалистического Запада.

Одни объясняют кризис внешними причинами, прежде всего подрывной деятельностью империалистического Запада. К ним относится известный диссидент А. Зиновьев, бывший ранее ярким противником политического режима в СССР, но после контрреволюции пришедший к выводу, что этот режим был все же наименьшим возможным злом. Разновидностью этого направления является объяснение кризиса подрывной деятельностью международного сионизма. Этот прием используется в основном патриотами.

Другие считают кризис следствием в основном внутренних причин. Об этом писал В.И. Ленин, указывая на опасность бюрократии [1]. Л.Д. Троцкий дал прогноз кризиса в СССР в своей работе «Преданная революция», написанной в середине 30-х годов [2]. (В момент написания работы в коммунистической среде было принято демонизировать Троц-

кого. Автор считает это неправильным: наряду с неверными идеями «о мировой революции» и др. у Троцкого есть немало ценного.)

В представляемой вниманию читателя работе исследуются причины кризиса, а также возможности его преодоления. Изложение строится на базе анализа общих закономерностей развития человеческого общества, соответствующих, по мнению автора, марксистскому подходу, но поданных в авторской интерпретации. Все факты, анализ и выводы, возможно, изложены с современной литературе, хотя некоторые остались неизвестны автору из-за недостаточного объема проработанной литературы. Т. е. автор не претендует на оригинальность ни одного изложенного положения. Смысл работы в комплексности подхода, создания цельной картины. Попытки комплексного подхода даны в программах различных левых партий и движений (КПРФ, РКРП, ВКПБ....). Однако они деформированы, на взгляд автора, политической конъюнктурой и идеологической неразберихой, возникшей после контрреволюции.

По мере возможностей, автор пытается получить основные выводы на основе логики и оценки практики, т. е. с использованием научных методов, свойственных общественным наукам. При этом выводы иногда получаются не очень приятными: например, о принципиально большей неустойчивости социалистического общества по сравнению с капиталистическим. Однако такова действительность: этот вывод

подтверждается практикой.

Получается и вывод о возможности реформирования РФ к современному развитому капитализму. Он не очень приятен для коммунистов, а поэтому часто отвергается. Но, тем не менее, анализ положения в РФ и мирового опыта показывает, что такая возможность есть. Хотя она и является весьма маловероятной.

Автор использует термин «социализм» для характеристики строя, существовавшего в СССР и социалистических странах Восточной Европы. Часть левых отрицает это, указывая на существенные отклонения от некоторой идеальной схемы. Однако любой строй не реализуется в виде идеальной схемы. В частности, такие отличия для современного капитализма используются его апологетами для утверждений, что «капитализма уже нет», что он превратился (или превращается) в некое «постиндустриальное общество».

В газете «Правда 5» от 28.02.1997 Е. Кулага излагает дискуссию на заборе в Варшаве, где сначала «...появилась надпись: «Верните нам социализм». Через некоторое время под ней появилась другая надпись: «У нас не было никакого социализма». Затем появилась завершающая надпись, подведшая итог дискуссии: «Тогда верните то, что было». Т. е. для людей не важно, как это называлось. Главное, что оно давало. Поэтому лучше не запутывать людей новыми определениями, а использовать общепринятое название, имея в виду, что любая формация проходит некоторые этапы в своем раз-

витии. Мы пережили некоторые этапы развития социализма.

В качестве идеальной схемы социализма (настоящего социализма), рассматривается общество, где государство проводит политику в интересах трудящихся, живущих (в основном) за счет своего труда. Если исходить из определения, что власть принадлежит классу (или какой-то социальной группе), когда государство действует, прежде всего, в интересах (экономических, политических...) этого класса, то: «Социализм – это власть трудящихся».

При анализе автор опирается не только на труды признанных в коммунистическом движении классиков марксизма. Так весьма полезными являются труды Л.Д. Троцкого, особенно периода изгнания из СССР [2]. Как Л. Толстой, по выражению Ленина, является «зеркалом русской революции», поскольку правдиво отражал действительность, так и известный деятель белого движения И.Ильин [3], разрабатывая идеальное государственное устройство посткоммунистической России, косвенно обосновал попутно (не подозревая об этом) такое положение марксизма как «руководящая роль марксистской партии» при строительстве социализма.

В первой части – «Кризис социализма» (главы 1–5) рассматривается **минимальное количество вопросов, необходимых для понимания технологии власти**: принципы организации устойчивой власти и ее экономические основы. В главе 1 рассматриваются общие правила организации устойчиво функционирующего общества, вытекающие

из общих принципов устойчивости сложных объединений животных и людей. На основе этих принципов анализируется демократия, структура власти при капитализме и социализме, составляющая кризиса социализма, связанная с технологией власти. В главе 2 на основе политэкономического подхода анализируется какой должна быть оптимальная структура экономики социализма. Дается анализ экономической составляющей кризиса социализма. В главе 3 рассматривается развитие контрреволюционных тенденций в СССР и в странах Восточной Европы в послесталинский период. Показывается их общая природа: завершение бюрократической контрреволюции, предсказанной Троцким в 30-х годах. В главе 4 анализируется контрреволюция в СССР с апреля 1985 г, момента прихода к власти Горбачева. Перестройка – как единый, проводившийся по плану контрреволюционный переворот сверху, в котором нет ни одного случайного хода его дирижеров. В главе 5 рассматриваются возможные варианты Перестройки: к устранению деформаций социализма и к современному капитализму. Варианты, которые могли быть реализованы при приходе к власти не Горбачева, а других претендентов. Содержание этой части в основном совпадает с содержанием работы автора [4], опубликованной в 1999 г. Сделаны лишь небольшие изменения с учётом новой информации. Прежде всего, смягчены жёсткие оценки деятельности Сталина, навеянные Перестройкой. Так, например, удалён из раздела 1.4. следующий

вывод: «...об учете во времена Сталина интересов пролетариата, как правящего класса, говорить не приходится». Вывод, конечно, совершенно неверный.

Во вторую часть – «Социализм XXI века» – входят главы 6-16. В главе 6 приводятся взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса об условиях перехода к коммунизму. В главах 7-13, являющихся в значительной степени обзорами, излагаются (с критическим анализом) взгляды различных теоретиков послекризисного марксизма, а также некоторых немарксистов. В главе 14 излагаются программные позиции трёх компартий РФ.

При изложении взглядов различных учёных и партий автор приводит иногда очень большие цитаты, чтобы читателю была понятна суть настоящих взглядов цитируемого субъекта, а не интерпретация автора в пересказе, когда суть может быть искажена (даже иногда невольно). Цитаты кроме выделения кавычками, как правило, приводятся в курсиве, кроме тех случаев, когда курсив используется внутри цитаты.

В главе 15 даются выводы автора по главам 6-14. А в главе 16 обсуждаются характеристики социализма XXI века.

В третьей части приводятся прогнозы будущего (глава 17) и обсуждается возможность возвращения России на путь социалистического развития (глава 18). Впрочем, основная часть главы 18 посвящена процессам, мешающим этому возвращению: левой оппозиции КПРФ и угрозе «цветной» революции. В главе 19 подводится итог обсуждения прогнозов

о будущем России.

Любое сочинение такого рода базируется в той или иной степени на фактах времени его написания. Данное базируется на двух периодах: 1) до 1999 г. и 2) до середины 2012 г. В литературной ссылке первое число означает номер работы в списке литературы в конце, второе – через букву «т» – том, если есть ещё части, то через букву «ч» даётся часть, а далее через запятую – страницы или интервал страниц ([2, 233], [1 т 16, 35–36], [13 т 21 ч 3, 181]).

Автор благодарит:

Малышева Игоря Викторовича за критику и ценные замечания, положительно повлиявшие на качество работы,

Попова Геннадия Андреевича за подготовку материала книги к печати,

Соловьёва Геннадия Евгеньевича за интерес к работе и помощь в подготовке публикации.

Часть I

Кризис социализма

Глава 1

Общество. Его устойчивость

1.1. Устойчивость сложных систем из животных

Для защиты от враждебной окружающей среды живые существа объединяются в сложные системы (большие сообщества): стаи, стада, племена. . . Будем называть их единообразно организациями. Для выполнения поставленных перед организацией целей необходим некий орган (назовем его центром), который управляет деятельностью организации. В виде редкого исключения возможны организации без центра: они возможны тогда, когда противоречия между членами организации и окружающей средой сильнее, чем противоречия внутри организации. Т. е. внутренние противоречия не могут разрушить организацию (пример будет дан ниже). Однако подавляющему большинству организаций нужен управ-

ляющий центр.

Как показывает опыт, для эффективного управления нужен только один центр. Если центра два, то неизбежно от них поступают к организации противоречивые управляющие воздействия, поскольку каждая управленческая задача, как правило, может быть решена множеством способов. Поэтому при появлении двух центров организация может разрушиться из-за падения эффективности ее деятельности. Кроме того, центр имеет, практически всегда, материальную выгоду от своей деятельности. Стимулирует деятельность центра и стремление его членов к самоутверждению через власть (т. е. центр имеет и моральные стимулы для своей деятельности). Поэтому если центр не один, то между центрами начинается борьба, которая заканчивается либо победой одного из центров и ликвидацией другого, либо распадом организации.

Вероятно, некоторые из своего опыта могут вспомнить, как лихорадило коллективы в результате борьбы неформального лидера против формального – начальника, или в результате конфликта непосредственного руководителя коллектива с вышестоящим, который пытается управлять коллективом через голову непосредственного руководителя.

Таким образом, для устойчивости организации необходим один центр. И чтобы сохранить устойчивость организации центр должен иметь возможность мешать возникновению других центров. Т. е. центр должен обладать определен-

ной силой, властью – быть властным центром.

Сформулируем правило устойчивости организации: для устойчивости организации она должна управляться одним властным центром.

В начале раздела указано возможное исключение, но, в целом, **правило подтверждается практикой, жизнью**.

Организации животных: стаи, стада... имеют вожаков. Обычно это наиболее сильные и решительные животные, которые могут подчинить своей воле организацию и силой препятствовать выделению других вожаков. Когда вожак ослабевает от старости или болезни, молодые и сильные бросают ему вызов, и после борьбы по правилам стаи утверждается новый вожак. Стая снова превращается в устойчивую организацию.

Человеческое общество на всех стадиях своего развития представляло устойчивую организацию. В первобытно-общинном обществе управляющий центр – это вожди племен, советы старейшин... Они опирались на свой авторитет у племени или на свою физическую силу. В антагонистических формациях роль центра взял на себя эксплуататорский класс. Он опирается на вооруженную силу. В рабовладельческом обществе и при феодализме руководящая роль эксплуататорских классов закреплена в законах. Т. е. существует четкое классовое неравенство.

В некоторых случаях кажется, что единого центра нет. Более подробный анализ показывает, что центр есть, но он яв-

ляется скрытым. В качестве первого примера можно указать на муравьев. Матка не является руководителем. Роль руководящего центра заменяет в данном случае инстинкт.

Другим исключением, как будто бы, является капиталистическое общество с его знаменитым «разделением властей» на законодательную, исполнительную и судебную. Анализу власти в капиталистическом обществе посвящен следующий раздел.

1.2. Буржуазная демократия

Власть при капитализме называется **демократией**, что, как известно, на русский язык переводится как **народовластие**. В капиталистическом обществе формально все равны перед законом. В буржуазных конституциях утверждается, что власть «принадлежит народу». Это утверждение на первый взгляд подтверждается избранием основных органов власти на всеобщих выборах.

Однако достаточно ли этого для народовластия? Чтобы демократия на деле была народовластием, а не просто одной из форм существования государства, необходимо, чтобы **большинство** народа (т. е. и трудящиеся слои населения) было **политически активным и грамотным**, т. е. понимало интересы всех социальных слоев и групп в том числе и своего класса, и не позволяло бы манипулировать собой в чужих интересах.

Однако в настоящее время дело обстоит далеко не так: подавляющее большинство людей думает лишь о своих интересах (личных и семьи).

Политически активными являются лишь единицы процентов трудящихся, еще меньше разбираются в интересах классов, слоев, групп. Такое положение создает условия для установления господства даже для не очень многочисленной сплоченной группы, если она способна выдать свои интересы за общенародные.

При капитализме такой естественной группой является класс буржуазии, **объединяемый очень сильным материальным интересом**, заключающимся в праве присвоения производимой обществом прибавочной стоимости. Эта возможность основана на праве частной собственности на основные средства производства, которое объявляется основным и естественным правом человека, хотя для большинства трудящихся на деле оно реализуется в виде свободы от собственности на эти средства производства. Но формально каждый может стать Рокфеллером, если будет усердно трудиться, быть бережливым и проявлять другие добродетели (разумеется, пропаганда умалчивает о преступлениях против морали и закона, совершаемых часто удачливыми претендентами в капиталисты, чтобы совершить свое первоначальное накопление капитала). С помощью такого мифа «равных возможностей» привилегия буржуазии внедряется в сознание народа как общечеловеческая ценность. Однако

обман этот слишком примитивен, чтобы не быть разоблаченным. Поэтому для его сохранения необходима «нейтрализация» возможных разоблачителей, их политическое подавление.

Проанализируем, как механизм демократии используется буржуазией для установления своего классового господства. Основным инструментом в борьбе за власть является политическая партия, выражающая интересы той или иной социальной группы. Признаком демократичности в капиталистических странах является многопартийная система, состоящая из совокупности партий, отражающих интересы различных социальных групп. В результате открытой борьбы за голоса избирателей побеждает, естественно, та партия, которая отражает интересы большинства населения. Если партия, находящаяся у власти, теряет доверие избирателей, то на следующих выборах к власти приходит оппозиция. Так утверждает буржуазная пропаганда. И если это так, то мы имеем дело с подлинным народовластием. Но на самом деле побеждает та партия, которая **внушает большинству населения, что она отражает их интересы**. А это совсем другое дело. Ведь если человек не понимает сути процессов, происходящих в обществе, то его можно обмануть и убедить проголосовать против своих классовых интересов.

Данный механизм смены правящих партий представляет собой уникальную возможность постоянного удержания власти группой, если она скрыто контролирует обе партии

(или коалиции партий), сменяющие друг друга у власти. При этом недовольство трудящихся политикой правящей группы (класса) переносится на правящую в данный момент партию и находит свой выход при отстранении скомпрометировавшей себя партии от власти – «пар выпускается». К власти приходит другая партия. Правда она скомпрометировала себя ранее. Но за время пребывания в оппозиции ее грехи забываются и «отпускаются» – всесильное время лечит раны. Такую систему называют **избирательным маятником**.

Именно такая система реализована в капиталистических странах. В классических странах буржуазной демократии (США, ФРГ, Англия) мы имеем две крупных партии, сменяющих друг друга у власти. Партии эти не носят названия капиталистических или буржуазных, их названия привлекательны: «республиканская», «демократическая», «лейбористская» (трудовая), «социал-демократическая».... Чьи интересы представляют те или иные партии? Ответ на этот вопрос дают не их названия (здесь полностью оправдывается русская поговорка: «хоть горшком назови – только в печь не ставь») и даже не их программы, а анализ того, **в интересах какого класса, слоя, группы** проводится их политика. Поскольку данные партии в своей деятельности обеспечивают существование капиталистического строя, то их следует считать буржуазными, как бы красиво они не назывались и каким бы пролетарским не было их происхождение, какими бы красивыми не были их программы. Там может даже быть на-

писано о строительстве социализма. Дела это не меняет. Если партия входит проводимой после прихода к власти политикой в систему буржуазного избирательного маятника, т. е. начинает служить буржуазии, то она **на деле становится буржуазной**. Бывшие рабочие партии даже лучше, чем старые партии, от которых за версту «воняет» капитализмом, маскируют классовое господство буржуазии. Типичный пример буржуазного перерождения являет собой Испанская Социалистическая Рабочая партия, успешно вписавшаяся в систему буржуазной демократии и длительное время находившаяся у власти благодаря тому, что получила доверие и у буржуазии и у трудящихся.

Каким же способом буржуазии, составляющей незначительное меньшинство населения, удалось поставить под контроль многопартийную демократическую систему и обеспечить свое политическое господство?

Во-первых, маскировка своих интересов общенародными и общечеловеческими (о чем уже говорилось выше), внедрение в общество в качестве господствующей своей идеологии. Это удастся делать ввиду политической пассивности большинства трудящихся. Эта пассивность объясняется первичностью материального интереса, который трудящийся может удовлетворить, только зарабатывая деньги трудом. А участие в политической жизни только мешает достижению этой цели. Поэтому трудящиеся и **не хотят заниматься политической деятельностью**. Именно не хотят, хотя при необ-

ходимости многие могли бы. В противоположность этому для буржуазии политическая деятельность может принести и приносит ощутимую прибыль (через получение выгодных правительственных заказов от находящегося под их контролем правительства, законодательство в интересах буржуазии...). Т. е. для буржуазии политика лежит в сфере непосредственных материальных интересов, а для трудящихся – нет. Т. е. **пассивность трудящихся объективно обусловлена**. Только под действием экстремальных невыносимо тяжелых условий революционной ситуации активность трудящихся резко возрастает.

Замаскировать свои классовые интересы буржуазии позволяет власть денег. Деньги позволяют буржуазии контролировать подавляющую часть средств массовой информации. Деньги позволяют буржуазии покупать для эффективного использования этих средств лучшие умы, которые направляют сознание общества в нужном для заказчиков направлении. Деньги позволяют покупать политиков и, в крайнем случае, наемных убийц для ликвидации нежелательных политических противников. Деньги позволяют буржуазии непосредственно контролировать государство, использовать в своих целях его репрессивный аппарат.

Итак, **основные факторы, позволяющие буржуазии установить свое господство: политическая пассивность масс трудящихся и власть денег.**

С помощью доступных буржуазии возможностей те оппо-

зиционные партии, которые действительно представляют интересы трудящихся, ослабляются, доводятся до безопасного уровня, когда они не представляют опасности для господства буржуазии. При этом реализуется своеобразный принцип «необходимой достаточности»: классовая оппозиция не уничтожается окончательно, поскольку, существуя в ослабленном виде она служит, во-первых, мишенью для всей системы «охраны» буржуазного строя, поддерживает ее в работоспособном состоянии, а, во-вторых, доказательством демократичности и плюралистичности буржуазного общества. Т. е. ослабленные организации трудящихся объективно укрепляют систему классового господства буржуазии, являются ее необходимым её элементом.

Если движение трудящихся слабо, то применяются обычная антикоммунистическая «профилактика» в виде клеветнической пропаганды. Если движение трудящихся более опасно (или у местной буржуазии больше страха), то применяются законодательные меры преследования за принадлежность к организациям трудящихся. Ярким примером является знаменитый «запрет на профессии» в ФРГ, предусматривающий запрещение заниматься некоторыми видами деятельности (учителя...) «радикальным элементам», к которым относят прежде всего коммунистов. Со стороны предпринимателей эти меры могут дополняться «черными списками», в результате чего трудящиеся коммунистических или просто левых убеждений не могут найти работу.

Другие более сильные меры: подкуп, шантаж, убийства. Если все эти меры не срабатывают, и партия, представляющая интересы трудящихся приходит к власти, в результате победы на выборах (как, например, случилось в Чили в 1971 году), то в ход пускаются чрезвычайные меры: дестабилизация обстановки путем организации экономического саботажа и перехода к непарламентским методам борьбы: организация митингов, забастовок, кампаний гражданского неповиновения. Если же и это не позволяет свалить просоциалистическое правительство, то ширма буржуазной демократии отбрасывается и применяется последнее средство: интервенция или военный переворот. Весь этот сценарий был реализован в Чили в 1971–1973 г.г.

Проведенный анализ показывает **причину стабильности буржуазной демократии: она состоит в неформальном управлении этой демократией со стороны буржуазии, прежде всего крупной**, которая является, таким образом, **неконституционной руководящей силой капиталистического общества**. Именно это руководство, а не пресловутое разделение властей является причиной стабильности системы буржуазной демократии. Т. е. **буржуазная демократия устойчива** не потому, что она, по утверждениям буржуазной пропаганды, является полной и бесклассовой, а **потому, что она – неполная и классовая**. Или, по-другому, потому, что она стабилизируется силой, находящейся **вне демократии** – правящим классом, бур-

жуазией.

Другой способ организации демократии просто невозможен в классовом обществе. Проведем небольшой мысленный эксперимент: допустим, что буржуазия некоторого государства стала вести себя в соответствии с тем образом, который ей создает собственная пропаганда, а все прочие силы остались теми же самыми. Без подавления, партии, представляющие интересы трудящихся, могут начать набирать силу, особенно если экономика страны в тяжелом положении, в итоге завоевать власть и, не опасаясь неизбежного ранее «наказания» за такие намерения военным переворотом, начать социалистические преобразования экономики. Затем, столкнувшись с неизбежными трудностями, вызванными, скажем экономическим и военным давлением внешнего капиталистического мира, который по условиям нашего эксперимента не «перевоспитался», партии трудящихся потеряют доверие народа и к власти придут буржуазные партии и начнут преобразование экономики опять на капиталистические рельсы, т. е. денационализацию, приватизацию....

Трудно предположить, чтобы какая-либо экономика выдержала такие качели. Могут возразить, что мол такая переброска части экономики из государственного сектора в частные руки и обратно имеет место на практике в ряде капиталистических стран. Но эта переброска производится в экономических интересах буржуазии, а не вопреки им. Возможно и другое последствие «идеализма» местной буржуазии:

к власти могут прийти, используя те же методы, что и ранее были в арсенале местной буржуазии, группа проходимцев, пользующая поддержкой иностранной державы. В этом случае страна может потерять даже независимость. Таким образом, буржуазия не может действовать в соответствии со своей пропагандой, если не хочет потерять все свои привилегии. Более того, **такой идеализм даже невыгоден обществу!** **Для стабильности демократия в классовом обществе должна быть классовой.**

Вывод о неустойчивости идеальной (формальной) буржуазной демократии был сделан и известным теоретиком белой эмиграции И. Ильиным [3]: *«Свобода мнений должна быть **полною**: государственные чиновники не могут покушаться на нее и урезывать ее. И самое глупое, самое вредное, гибельное и пустое «мнение» – «неприкосновенно» уже в силу одного того, что нашелся вредный глупец или предатель, который его провозгласил, укрываясь за его «неприкосновенностью». А можно ли заставить его мнить свое мнение **пассивно**? Как помешать ему проводить свое мнение в жизнь – шепотом, тихой сапой, тайным сговором, подпольной организацией, незаметным накоплением складов оружия? **Свобода слова, союзов и оружия только выражает и осуществляет свободу мнений.** Понятно, что это сразу обезоруживает государство перед лицом его врагов и предателей; в то же время **обеспечивает этим врагам и разлагателям полную свободу и безнаказанность...** Итак, фор-*

мальная свобода включает в себя свободу тайного предательства и явного погубления» [3].

И. Ильин даже несколько недооценивает «возможности» формальной буржуазной демократии: предатели могут захватить власть даже без каких-либо серьезных нарушений законов и складов оружия: достаточно умело использовать колебания настроений избирателей.

Почему власть в капиталистическом обществе маскируется под демократию? Причина, разумеется, не в любви буржуазии к свободе, о чем день и ночь твердит буржуазная пропаганда, а в политической и экономической целесообразности. Скрытая форма классового господства выгодна экономически, т. к. если трудящийся в своей массе **чувствует себя свободным**, то механизм его подавления должен быть рассчитан только на небольшой процент «возбуждающихся», которые видят обман. Таких по Э. Лимонову насчитывается около 5 %. Ясно, что подавление 5 % обходится гораздо дешевле, чем 100 %. Выгодна скрытая форма классового господства буржуазии и политически, т. к. внедрение в сознание трудящихся уверенности, что буржуазная демократия действительно является народовластием, парализует волю народа к сопротивлению эксплуатации и позволяет создать устойчивую систему власти буржуазии.

Демократия, как слабая власть, позволяет буржуазии сохранять свободу экономической деятельности, на которую неминуемо будет покушаться сильная власть (например,

диктаторского и фашистского типа). Буржуазия даже специально ослабляет власть с помощью упомянутого выше механизма разделения властей, позволяющего ей с помощью одной ветви воздействовать на другую, отклоняющуюся от «истинного» пути поддержки устоев капитализма: института частной собственности, подавления популистских требований трудящихся отнять эту собственность, осуществлять военные усилия по защите государства и поддержания интересов капитала за границей. Если власть в форме буржуазной демократии не справляется со своими задачами, то буржуазия вынуждена прибегать к сильной диктаторской власти (фашизм в Европе). Буржуазия развитых стран также, в случае необходимости, поддерживает диктаторские режимы в зависимых странах, обеспечивающие лучшую поддержку ее интересов за счет интересов местной, национальной буржуазии. Поддерживает на деле, хотя на словах, в «работе на публику» могут высказываться лицемерные осуждения.

Итак, необходимость единого центра, руководящей силы общества – подтвержденное историческим опытом требование устойчивости организации полностью подтверждается практикой капитализма. «А как же разделение властей – столп буржуазной демократии?» – спросит читатель. Но из принципа единого центра следует, что разделение властей возможно только потому, что Правительство, Суд и Парламент в капиталистической стране **не являются на деле верховной властью.**

Власть при капитализме имеет два уровня: первый видимый – легальная система власти: политические партии, Правительство и механизм его образования и замены – политическая система. Здесь все происходит в основном на основании Законов. Второй уровень – невидимый, или плохо видимый: система клубов, союзов отдельных групп буржуазии, отдельных крупных капиталистов, определяющих основные направления деятельности Правительства и обеспечивающих свою волю различными методами, используя свое финансовое могущество. На этом уровне все происходит на основе «закона джунглей» – права сильного: какие-то неписанные «правила игры» могут выполняться лишь для членов этих тайных властных структур.

Второй уровень – главный, так как именно с помощью его осуществляется классовое господство буржуазии, поддерживается устойчивость капиталистического общества.

Класс капиталистов как раз представляет собой пример организации без видимого властного центра (о возможности такой организации в виде исключения мы говорили в начале главы). Объединяет его сильное противоречие между ним и эксплуатируемыми массами. Это противоречие сильнее, чем противоречия внутри класса капиталистов между различными кланами.

Ограниченный классовый характер буржуазной демократии, лживость ее претензий на подлинное народовластие давно показаны еще классиками марксизма. Однако отме-

ченная выше политическая пассивность трудящихся позволяет буржуазии внедрять миф об эквивалентности буржуазной демократии народовластию в их сознание.

1.3. Структура власти при социализме

Итак, демократия при капитализме является на деле «диктатурой буржуазии». И вообще, государственная власть в классовом обществе является диктатурой господствующего класса. Это положение марксизма подтверждается историей развития человеческого общества. Поэтому, естественно, в результате победы социалистической революции государство «диктатуры буржуазии» заменяется государством «диктатуры пролетариата». По первоначальным представлениям классиков марксизма «диктатура пролетариата» является настоящим народовластием, в котором участвует большинство трудящихся. Однако в процессе революции отчетливо проявился отмеченный выше факт, что большинство трудящихся **не желает участвовать в управлении**. Поэтому власть трудящихся может реализоваться лишь их наиболее сознательной частью, объединившейся в революционную партию. На основе опыта Октябрьской революции и последующей борьбы с контрреволюцией Ленин выдвинул положение, что *«диктатура пролетариата невозможна иначе, как через коммунистическую партию»* [1 т43, 42]. Это положение впоследствии было сформулировано в виде руко-

водящей роли КПСС и закреплено в последней Конституции СССР в известной статье 6.

Таким образом, компартия при социализме является руководящей силой общества, тем самым властным центром, который обеспечивает устойчивость организации (социалистического общества). Она заменяет в социалистическом обществе неформальную руководящую буржуазную элиту, а не политические партии капиталистического общества. Поэтому партией в терминах буржуазной демократии она не является, она превращается в руководящую силу общества. Название «партия» является историческим и, как показывает опыт, весьма вредным реликтом.

Закрепление руководящей роли КПСС в последней советской Конституции сделало ее конституционной руководящей силой общества, что выгодно отличало ее от неконституционной и тайной руководящей силы при капитализме. Т. е. в СССР вся структура власти была отражена в Конституции, тогда как при капитализме главная составляющая власти – руководящая сила общества – тщательно скрывается.

Тайный характер власти капитала является не только недостатком, но и преимуществом, поскольку позволяет у народа создавать иллюзию народовластия. Однако при социализме организация руководящей силы по аналогии с капитализмом невозможна, поскольку отдельный представитель неимущего класса не может, в принципе, обладать тем

политическим весом, который дает капитал представителю имущего класса. И подлинное народовластие, как уже отмечалось выше, невозможно из-за низкой политической культуры общества. Поэтому единственным способом образования властного центра при социализме является руководящая роль специальной классовой организации трудящихся.

Термин «партия» вообще должен быть убран, поскольку партия превращается в руководящую силу общества. Т. е. при социализме в СССР существовала **не однопартийная, а беспартийная** система. Сохранение в названии КПСС слова «партия» дало в руки буржуазной пропаганды мощное оружие по сравнению «недемократической» однопартийной системы в соц-странах и «демократической» многопартийной системы при капитализме.

Следствием поражения социализма в идеологической борьбе явилась теория так называемого «демократического социализма», допускающая многопартийность типа буржуазной демократии при социализме. Его несостоятельность, вообще говоря, вытекает из анализа буржуазной демократии, проведенного в предыдущем разделе. Там было показано, что буржуазная демократия сама по себе (т. е. ее формальная, пропагандистская составляющая) принципиально неустойчива и стабилизируется лишь неформальной властью капитала, формирующего необходимый для господства буржуазии «партийный пасьянс». Очевидно, только по такой аналогии и может быть организована многопартийность в

социалистической стране: т. е. руководящая сила общества (бывшая марксистская партия) формирует состав партий, подавляя буржуазные партии с использованием всех описанных в предыдущем разделе «демократических» методов. Причем подавление это будет значительно более трудным делом, чем при капитализме: там нужно подавить организации неимущих классов, а здесь – имущих. Ясно, что эта борьба превратит жизнь общества в кошмар.

Переход же к «игре в буржуазную демократию всерьез» создает лишь условия для мирной контрреволюции, вследствие описанного выше механизма буржуазного избирательного маятника. Коммунистические партии, отказывающиеся от своей руководящей роли и превращающиеся в обычные партии неизбежно должны проиграть, поскольку буржуазная оппозиция предстает перед избирателем совершенно «чистенькой», а грехов на коммунистах, по мнению людей, очень много. И маятник этот сработает только один раз. Придя к власти, буржуазия сразу перестает «играть в демократию всерьез» и переходит к подавлению своих благородных глупеньких избавителей, подаривших ей власть. Этот механизм достаточно наглядно подтвердили перестроечные контрреволюции в СССР и странах Восточной Европы.

Таким образом, социалистическая демократия должна существенным образом отличаться от капиталистической, совпадая с ней лишь в рамках общих требований, диктуемых необходимостью властного центра, обеспечивающего устой-

чивость существования общества:

- реальный контроль за стабильностью общественного строя находится у руководящей силы общества, обеспечивающей интересы господствующих классов;
- институты выборной власти контролируются руководящей силой, т. е. они не должны угрожать стабильности общественного строя;
- приход к власти классового противника должен быть практически исключен. Для реализации последнего пункта антисоциалистические силы должны ослабляться руководящей силой в той мере, в какой ослабляются социалистические силы при капитализме. Основная сложность в том, что методы, используемые для этого буржуазией настолько гнусны, что при социализме они не пригодны, поскольку неизбежно уродуют, деформируют его тем, что создают структуры для неконституционного насилия и тем самым создают как моральные (подрыв законности) так и материальные условия для захвата власти контрреволюционными элементами, т. е. реставрации капитализма, от предотвращения которой по замыслу эти структуры предназначены.

Социализм в организации власти возвращается к докапиталистической структуре власти, характерной для классовых обществ: открытого обозначения классового господства. Необходимость открытого характера классового господства определяется исчезновением полной власти денег при социализме. Такая **власть денег присуща** только капитализму,

поэтому только там и была реализована система скрытого классового господства.

Социализм, указывая на лживый характер буржуазной демократии, создает условия для движения к полной демократии путем политического воспитания трудящихся в том духе, что каждый должен участвовать в управлении государством, что такое участие необходимо для обеспечения стабильности строя. Вовлечение трудящихся в управление должно производиться через выборные органы (Советы), которые при социализме должны быть массовыми в отличие от капитализма. И дело здесь не в расточительности социализма, а в разной социальной роли этих органов при капитализме и при социализме. При капитализме эти органы маскируют всевластие капитала и поэтому последний хочет их сделать как можно малочисленнее и поэтому дешевле. А при социализме эти органы реализуют настоящую власть трудящихся, которая чем прочнее, чем большая часть народа принимает участие в управлении. Разумеется, речь идет о настоящем участии, а не о мероприятии «для галочки», поэтому численность Советов должна соответствовать реальной политической активности трудящихся.

Практический переход к подлинному народовластью является политическим признаком достижения коммунистического общества.

Необходимость руководящей силы общества, стабилизирующей любое классовое общество, естественно, полностью

отвергается буржуазной пропагандой. Тем любопытнее обнаружить эту идею у И. Ильина. Выше было показано, что он понимает неустойчивость формальной (буржуазной) демократии. Какой выход он видит? *«Всякое государство организуется и строится своим ведущим слоем, живым отбором своих правящих сил.*

Всегда и всюду правит меньшинство: в самой полной и последовательной демократии – большинство не правит, а только выделяет свою «элиту» – и дает ей общие, направляющие указания.» Под «ведущим слоем» И.Ильин понимает высшее чиновничество. Но кто выделяет эти кадры? И.Ильин не признает определяющую роль классовой борьбы. Поэтому вытекающий из жизни ответ: господствующий класс – ему не приходит в голову. Хотя, казалось бы, он должен задаться вопросом: почему так устойчива на практике принципиально неустойчивая буржуазная демократия?

Но Ильин занимался разработкой модели государства для посткоммунистической России. Для обеспечения устойчивости сильной власти она, по его мнению, должна возглавляться монархом (Государем), действующим **в рамках Закона**: *«Сильная власть грядущей России должна быть не вне правовая и не сверх правовая, а оформленная правом, и служащая по праву, при помощи права всенародному правопорядку.»* [3, 249] Государь организует подбор ведущего слоя и образует вместе с ним **авторитарную** часть государства. Его дополняет организованное на принципах буржуаз-

ной демократии самоуправление: «В грядущей России необходимо будет найти **верное, жизненно-целесообразное, для русского правосознания подходящее сочетание из учреждения и корпорации.**» [3, 283] «Учреждение» по терминологии И.Ильина – это авторитарная власть, а «корпорация» – демократия, самоуправление.

Итак И.Ильин, **отрицая буржуазную демократию, приводящую к власти преступные криминальные элементы** (каковой является, вообще говоря, в своих родовых истоках, буржуазия), предпочитает ей действующую в **рамках закона руководящую силу общества**, которую он видит в виде монархии. Правду о возможном реальном соотношении авторитарных и демократических начал в человеческом обществе, он предпочитает лжи буржуазной «демократии». Взгляды Ильина ценны для обоснования структуры власти, действующей не на основании власти денег (против чего Ильин восстает), но в применении к капиталистической действительности они являются утопией. Жизнь жестоко посмеялась над И.Ильиным, реализовав в виде фарса его идеи в Ельцинской России после октября 1993 г.: «Президент-государь» олицетворяет авторитарную часть власти, а бесправный Совет Федерации – демократическую. На деле же всем заправляют международные монополии и отечественная мафия.

1.4. От диктатуры пролетариата к диктатуре бюрократии

Наибольшую опасность для реализации диктатуры пролетариата (или власти трудящихся) представляет бюрократия. Эту опасность видели классики марксизма задолго до победы социалистической революции в России. И не только они. Так Р.Михельс пишет: *«Партия, как внешнее образование, механизм, машина вовсе не тождественна с партийными массами и уж тем более классом. Партия – это только средство достижения цели. Если же партия становится самоцелью, с собственными особыми целями и интересами, то она целенаправленно отделяется от класса, который представляет. Неизменный социальный закон состоит в том, что в любом органе, возникшем под влиянием разделения труда, возникает, по мере его консолидации, собственный интерес. Интерес сам по себе и для себя.»*

Но существование собственного интереса в общем союзе включает в себя существование трений и противоположность интересов по отношению к общему интересу. Более того, в результате выполняемых ими общественных функций различные социальные слои объединяются и образуют органы, представляющие их интересы. Так надолго они превращаются в явные классы.» [5]. Михельс сформулировал свой «железный закон олигархии», согласно которому орга-

низация рабочего класса в случае победы революции неизбежно порождает новую олигархию вместо свергнутой старой: *«Социалисты могут победить, но не социализм....»*.

Видя эту опасность, классики марксизма предполагали, что диктатура пролетариата будет реализовываться как полная демократия большинством трудящихся, «вооруженным пролетариатом». Так Ленин в «Государстве и революции» писал: *«Всё народное хозяйство, образованное как почта, с тем, чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры, как и все должностные лица, получали жалование не выше «заработной платы рабочего», под контролем и руководством вооружённого пролетариата – вот наша ближайшая цель»* [1 т33,50].

Однако практика разбила эти иллюзии. Возникла необходимость строить пролетарское государство по схеме буржуазного, т. е. на основе профессиональной деятельности чиновников, служащих, как стали их называть, поскольку слово «чиновник» превратилось в оскорбление. А контроль «вооружённого пролетариата» над управленцами оказался утопией.

Естественно стала происходить бюрократизация управления. Ленин видел опасность бюрократизации и неоднократно намечал меры по борьбе с ней. Однако из-за острой нехватки одновременно политически и хозяйственно грамотных кадров проблему не удавалось решить. И в письме Г.Я. Сокольникову Ленин написал: *«Вся работа всех хозор-*

ганов страдает у нас больше всего бюрократизмом. Коммунисты стали бюрократами. Если что нас погубит, то это» [1 т 54, 180].

Обосновывая выше необходимость руководящей роли революционной организации трудящихся, мы говорили, что она необходима потому, что неимущий класс не может непосредственно обеспечить контроль того, чтобы государство действовало в его интересах, т. е. стабильность общественного строя. Революционная партия также является организацией, т. е. для обеспечения ее стабильности также нужен властный центр. Однако партию было принято формировать на основе внутрипартийной демократии (т. е. на выборной основе). Выше мы видели, что для устойчивости организации, основанной на выборной основе необходима **политическая сознательность и активность большинства ее членов**. Если этого нет, т. е. масса политически пассивна, демократия неустойчива. Это положение полностью реализовалось в Российской революционной партии (РСДРП....). Несмотря на то, что вроде бы партия является организацией единомышленников большинство ее членов оказались недостаточно политически грамотными и поэтому пассивными в области партийного строительства. Это объясняется как общим низким образовательным уровнем в Российской Империи, так и уважением «начальства», свойственного людям в классовых обществах. В этих условиях демократия привела к острой фракционной борьбе в руководстве партии при

отстраненности от нее основной массы членов партии. При жизни Ленина стабильность и боеспособность партии сохранялась благодаря громадному его авторитету. Т. е. Ленин с объединившимся вокруг него большинством ЦК и играл роль властного центра, стабилизирующего партию как организацию. Центра довольно демократического, но эта демократичность доставалась очень трудно. Например, во время заключения Брестского мира революция оказалась на грани поражения из-за острой борьбы вокруг его заключения.

После смерти Ленина фракционная борьба резко обострилась, поскольку появились два примерно равных по авторитету лидера: Сталин и Троцкий. Между ними развернулась ожесточенная фракционная борьба, в которой победил Сталин, опиравшийся на партийный аппарат. Образовалась, как и при Ленине, та же устойчивая структура партии: «партия – правящая верхушка – вождь». Но на сей раз гораздо менее демократичная: все решал вождь, все остальные исполняли его решения.

Однако Сталин всегда принимал решение после детального обсуждения поставленного вопроса, поддакивания он не любил, он понимал, что для выработки правильного решения нужно выслушать все возможные предложения. Так И. А. Бенедиктов, сталинский министр сельского хозяйства дал корреспонденту Гостелерадио В. Литову интервью: *«Вопреки распространенному мнению, все вопросы в те годы (конец 30-х гг. – Прудникова), в том числе и относящиеся к сме-*

шению видных партийных, государственных и военных деятелей, решались в Политбюро коллегиально. На самих заседаниях Политбюро часто разгорались споры, дискуссии, высказывались различные, зачастую противоположные мнения в рамках, естественно, краевольных партийных установок. Безгласного и безропотного единодушия не было – Сталин и его соратники этого терпеть не могли. Говорю это с полным основанием, поскольку присутствовал на заседаниях Политбюро много раз...»

«Сталин, ставивший на первое место интересы дела, принимал решения, как правило, выслушав мнения наиболее авторитетных специалистов, включая противоречащие точке зрения, к которой склонялся он сам. Если «диссиденты» выступали аргументированно и убедительно, Сталин обычно либо изменял свою позицию, либо вносил в неё существенные коррективы, хотя, правда, были и случаи, когда с его стороны проявлялось неоправданное упрямство» [6, 6–7]. Неоправданное с точки зрения тов. Бенедиктова: может он иногда что-то недопонимал?

Ленинское и Сталинское руководство компартии обозначили два полюса устойчивой структуры партии по модели, которую можно назвать **авторитарной**, поскольку она основана на стабилизации партии вождем.

Ленинская модель является **авторитарно-демократической**, поскольку она предусматривает широкую демократию, учет различных интересов и, прежде всего, интересов

пролетариата, диктатуру которого и призвана была реализовать партия. Т. е. власть партии, стабилизированной авторитарно-демократическим руководством, можно считать реализацией диктатуры пролетариата.

Сталинскую модель можно назвать **авторитарно-бюрократической**, поскольку опорой Сталина был, прежде всего, партийный и государственный аппарат, т. е. бюрократия. Бюрократия стала наиболее привилегированным социальным слоем в СССР. Привилегии бюрократии (особенно высшей) были необходимы для создания социального слоя, поддерживающего вождя: ни диктатура, ни любая другая власть вообще не может существовать без опоры на какие-то социальные силы в обществе. Кроме разрешенных привилегий бесконтрольность её власти снизу давала ей возможность получать и дополнительные, незаконные. Разумеется, по сравнению с доходами соответствующих слоев на Западе (директоров, управляющих...) доходы бюрократии были малы, но, тем не менее, социальное размежевание на трудящихся и «начальство» произошло, как в восприятии трудящихся, так и высших бюрократов. В восприятии трудящихся бюрократия заняла место бывших эксплуататоров. А высшая бюрократия воспринимала себя как элиту, руководителя общества, которому последнее обязано всеми своими успехами.

Видимое отстранение пролетариата от власти бюрократией Троцкий характеризовал как Советский Термидор, первый этап контрреволюции:

«СССР представляет промежуточное между капитализмом и социализмом противоречивое общество, в котором: а) производительные силы еще далеко недостаточны, чтоб придать государственной собственности социалистический характер; б) порождаемая нуждою тяга к первоначальному накоплению прорывается через бесчисленные поры планового хозяйства; в) нормы распределения, сохраняющие буржуазный характер, лежат в основе новой дифференциации общества; г) экономический рост, медленно улучшая положение трудящихся, содействует быстрому формированию привилегированного слоя; д) эксплуатируя социальные антагонизмы, бюрократия превратилась в бесконтрольную и чуждую социализму касту; е) преданный правящей партией социальный переворот живет еще в отношениях собственности и в сознании трудящихся; ж) дальнейшее развитие накопившихся противоречий может как привести к социализму, так и отбросить назад, к капитализму; з) на пути к капитализму контрреволюция должна была бы сломить сопротивление рабочих; и) на пути к социализму рабочие должны были бы низвергнуть бюрократию. В последнем счете вопрос решится борьбой живых социальных сил, как на национальной, так и на мировой арене» [2,211].

В приведённой характеристике п. «а» и «е» противоречат друг другу: «е» утверждает, что «социальный переворот» (к социализму, наверное) «живёт ещё в отношениях собственности», а п. «а» это опровергает.

Несмотря на жёсткую критику бюрократии Троцкий в отличие от многих авторов (например [5], [7]) не считал её эксплуататорским классом: *«Попытка представить советскую бюрократию как класс «государственных капиталистов» заведомо не выдерживает критики. У бюрократии нет ни акций, ни облигаций. Она вербуетя, пополняется, обновляется в порядке административной иерархии, вне зависимости от каких-либо особых, ей присущих отношений собственности. Своих прав на эксплуатацию государственного аппарата отдельный чиновник не может передать по наследству. Бюрократия пользуется привилегиями в порядке злоупотребления. Она скрывает свои доходы. Она делает вид, будто в качестве особой социальной группы она вообще не существует. Присвоение ею огромной доли народного дохода имеет характер социального паразитизма. Все это делает положение командующего советского слоев высшей степени противоречивым, двусмысленным и недостойным, несмотря на полноту власти и дымовую завесу лести»* [2, 207].

Может быть привилегии, которыми пользовалась бюрократия, и не были такими уж неразумными, как их представляет Троцкий, говоря об «огромной доле народного дохода», и находились в рамках общества социальной справедливости, предусматривающего оплату труда в соответствие с его количеством и качеством. Неразумными были формы предоставления этих привилегий.

Чересчур резкая оценка СССР Троцким объясняется частично его нахождением в оппозиции к Сталину. Кстати, при Сталине над бюрократией был жёсткий контроль, чтобы она работала на страну, а не на себя. После его смерти контроль ослаб, что стало одной из причин контрреволюции по пункту «з» сценария Троцкого.

Ниже будем иногда использовать термин «псевдокласс» для подчёркивания её стремления стать классом.

Глава 2

Структура экономики при социализме

Недостаточная эффективность экономики социалистических государств привела к поиску различных путей выхода из кризиса. Поиски эти были сильно затруднены идеологической борьбой с капитализмом и догматическим подходом к марксизму в большинстве социалистических стран. В основном споры велись и ведутся вокруг целесообразности и допустимости использования рыночных механизмов, аналогичных используемым при капитализме, в социалистических странах. Одни говорят «можно и нужно», а другие – «категорически нельзя». Однако экономика, как показывает опыт, развивается по определенным законам и из этих законов можно сделать вполне определенный вывод о том, какой подход является наиболее эффективным. Данная глава посвящена получению именно такого вывода.

2.1. Понятие хозяйственного механизма

Понятие хозяйственного механизма вошло в активный оборот в период Перестройки. И автор его использует, поскольку оно очень полезно при выводе оптимальной струк-

туры социалистической экономики. Для понимания данного раздела читателю необходимо освежить основные понятия политэкономии (разумеется, не в современном ее изложении, которое все ставит «вверх ногами» а в том, каким оно было при социализме). Ниже для удобства читателя (где теперь найдешь старые учебники) процитированы основные положения.

*«**Общественно-экономическая формация** – это находящееся на определенной ступени исторического развития общество, взятое в единстве всех его сторон, с присущим ему способом производства, экономическим строем и возвышающейся над ним надстройкой» [8,46].* **Общественно-экономическая формация** характеризуется определенным уровнем развития **производительных сил** – средств производства и рабочей силы людей, приводящих их в движение. *«В процессе производства люди неизбежно вступают в определенные отношения друг с другом – в **производственные отношения**. **Собственность на средства производства** лежит в основе всех отношений людей на всех ступенях развития общества... Производство без собственности невозможно, потому что она предполагает присвоение предметов, необходимых человеку. Без такого присвоения теряется смысл самого производства. Поэтому независимо от того, существует или не существует на данной ступени развития общества правовая защита собственности, отношения собственности всегда имеют место как реальные эко-*

номические отношения. Общества без собственности никогда не было и не будет. Формы собственности не вечны, они изменяются с изменением производительных сил... В свою очередь отношения собственности влияют на развитие средств производства. Если форма собственности соответствует данному уровню развития производительных сил, она способствует их прогрессу. Если производительным силам тесно в рамках данных форм собственности, если отношения собственности уже устарели, то они становятся тормозом в развитии производительных сил...» [9, 6].

Для последующего анализа производственные отношения полезно разделить на отношения собственности и хозяйственный механизм.

Отношения собственности показывают, кому, каким классам и группам принадлежат различные элементы производительных сил. Так в первобытно-общинном строе средства производства находятся в общей собственности племени, рода...., а люди свободны. При рабовладельческом строе рабовладельцам принадлежат не только средства производства, но и люди.

Хозяйственным механизм состоит, прежде всего, из основных принципов управления экономикой. Некоторые экономисты поэтому не пользуются понятием хозяйственного механизма, а говорят об «управлении».

2.1.1 Типы хозяйственного механизма

Истории известны два типа управления и два типа элементарных хозяйственных механизмов.

Наиболее древним является плановый хозяйственный механизм. Любой человек действует по плану, который он разрабатывает сам или ему разрабатывают другие. По плану действует любое предприятие. Если план выполняется в основном по приказу (чужому или своему), а не из-за стремления к выгоде – это **неэкономическое** побуждение к труду.

Вторым хозяйственным механизмом является механизм товарного производства – производство продуктов ради продажи на рынке и получения от этого выгоды. Каких продуктов и какое количество нужно произвести определяет спрос на рынке, т. е. здесь мы имеем **экономическое** побуждение к труду.

План нацелен на достижение конкретной цели: нужно получить запланированный полезный продукт, потребительскую стоимость. А для работающего на рынок конечным продуктом являются деньги, прибыль, стоимость. Хотя, разумеется, для рынка изготавливаются конкретные, нужные кому-то изделия и изготавливаются, как правило, по плану. Т. е. плановый хозяйственный механизм пронизывает рыночный: последний без планового существовать не может, но плановый без рыночного вполне просуществует.

Если экономика управляется в основном планом, то говорят о **плановом хозяйственном механизме**. Если же ее функционирование определяется в основном требованиями рынка, стремлением к прибыли, то говорят о **рыночном хозяйственном механизме**. Для функционирования рыночного формализма безразличен характер субъектов рынка: являются ли они собственниками средств производства или произведенного товара: важно лишь, чтобы доходы этого субъекта составляли некоторую долю от выручки за проданный товар и тем самым экономически заинтересовывали его.

2.1.2. Хозяйственные механизмы различных общественных формаций

Хозяйственный механизм различных общественно экономических формаций является комбинацией планового и рыночного хозяйственных механизмов.

В первобытно-общинном строе хозяйственный механизм был плановым. Цель первобытных общин была только в их выживании, достигалась она охотой и собиранием. Работа эта соответствующим образом организовывалась вождями, старейшинами... Разумеется, не было написанных планов, но они были в головах руководства общиной.

При возникновении общественного разделения труда (общины охотничьи, животноводческие, земледельческие) воз-

ник обмен и производство не только для себя, но и для обмена, возникло товарное производство, т. е. рыночный хозяйственный механизм.

Основным хозяйственным механизмом и рабовладельческого и феодального обществ являлся все же плановый, хотя товарное производство и существовало. Однако оно носило вспомогательный характер, а основные задачи удовлетворения интересов рабовладельцев и феодалов решали их собственные хозяйства, где основным организатором было голое принуждение. В крепостнической царской России существовали государственные военные заводы. Это был типичный плановый сектор с крепостными рабочими. Собственно другого выхода для царского правительства не было в виду слабого развития капитализма в России в то время.

На примере феодализма наглядно можно проследить, что хозяйственный механизм является той подвижной частью производственных отношений, которая реагирует на развитие производительных сил и приспосабливает к ним производственные отношения при, вообще говоря, неизменных отношениях собственности. Развитие хозяйственного механизма при феодализме происходило от барщины, к оброку натуральному, а затем и оброку денежному. Это развитие отражало вызревание капитализма в недрах феодального общества.

Рыночный хозяйственный механизм вышел на первое место, стал определять характер развития экономики только

при капитализме, когда техническим прогресс позволил создать крупное машинное производство и основным стимулом производства стало производство товаров для рынка.

2.2. Закон соответствия

Выше уже говорилось, что формы собственности и вытекающие из них производственные отношения соответствуют уровню развития производительных сил. Это – закон соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил (Закон Соответствия). Он является основным и наиболее универсальным законом развития общественно-экономических формаций. Он означает, что производственные отношения устанавливаются такие, чтобы при данном уровне производительных сил получить максимальную эффективность. Это вытекает из творческой природы человека, стремящегося получить от вложенного труда наибольший результат.

В первобытной общине производительные силы могли накормить только самого работника, они не были способны содержать какую-либо надстройку, не занимающуюся производительным трудом. Но как только с ростом производительности труда такая возможность появилась, так появилась и такая надстройка, и возникло рабовладельческое общество. При дальнейшем развитии производительных сил появились сложные орудия труда, требовавшие бережного обращения.

Рабы же, незаинтересованные в результатах своего труда, ломали их. Поэтому оказалось выгодным превратить раба в крепостного, который уже был заинтересован в результатах своего труда, поскольку часть их оставалась у него.

При появлении крупного машинного производства оказалось невыгодным иметь крепостного рабочего. Гораздо выгоднее было иметь свободного рабочего, чтобы обеспечить необходимый приток рабочей силы в нужное время. Люди приходили сами, поскольку им нужно было зарабатывать на жизнь: экономическая цепь оказалась эффективнее принуждения крепостничества. Да и не нужно было заботиться о рабочем, если он становился не нужен: его просто увольняли. Разумеется, просветители времен Французской революции обосновывали это великими идеалами свободы. Но эти идеалы были всегда, а «пробивную» силу они получили только в результате финансовой поддержке буржуазии.

Преобладание экономического интереса подтверждается рабством в капиталистической стране – Соединенных Штатах Америки, существовавшем около века. Когда оказалось невозможным с помощью рыночных механизмов привлечь достаточное количество рабочей силы на плантации Юга США, то было использовано рабство. И оно было уничтожено только тогда, когда промышленникам Севера в свою очередь потребовались негры как дешевая, но свободная рабочая сила, а рабство на Юге мешало эту силу использовать.

Превращение рабочей силы в товар, сделало товарное

производство всеобщим, капиталистическим товарным производством. С этого момента рыночный хозяйственный механизм впервые окончательно победил более непрехотливый плановый. Однако является ли эта победа полной и окончательной?

Основным недостатком планового хозяйственного механизма в странах реального социализма являлось то, что в нем при существовавшем тогда уровне производительных сил была ослаблена обратная связь между потребителем и производителем, поскольку она реализуется через чиновника, который, вообще говоря, не заинтересован в удовлетворении интересов потребителя. Однако по мере развития вычислительной техники человек будет все более освобождаться от выполнения рутинных управляющих действий, где он как раз и проявляет свой бюрократизм. А машина будет бесстрастно выполнять возложенные на нее обязанности. Таким образом, при достаточной степени автоматизации планирования эффективность планирования по степени обеспечения интересов общества сравнится с рыночным регулированием и тогда **рыночный хозяйственный механизм станет невыгодным для общества**, поскольку его преимущества исчезнут, а недостатки, связанные с необходимостью обеспечивать экономическую выгодность производства, сохранятся.

Если бы Закон Соответствия действовал автоматически, то можно было бы нарисовать следующую идеальную карти-

ну развития общества.

По мере развития производительных сил государство постепенно национализирует одно за другим невыгодные для рынка производства и отрасли экономики. И, в конце концов, рыночный сектор экономики пропадает совсем. Естественно пропадает и капитализм, поскольку государственный сектор экономики без капиталистов равноценен социализму.

Но в жизни, разумеется, такой переход весьма нереален. Из рассуждения предыдущего абзаца мы сделаем, однако, вывод, что социалистическая экономика с господством планового хозяйственного механизма будет эффективнее рыночной капиталистической экономики тогда, когда с помощью планирования можно будет лучше и быстрее удовлетворять интересы потребителя, чем с помощью рынка. Это требует значительной автоматизации планирования и управления производством. Плановая экономика будет эффективнее для общества, но не для капиталистов, поэтому они будут тормозить обобществление экономики (что и наблюдается в развитых капиталистических странах).

Итак, из тенденций развития производительных сил и закона соответствия следует, что развитие общества идет по пути к социализму.

2.3. Этап «военного коммунизма»

Победа социалистической революции в России в 1917 г. поставила вопрос о **практическом** строительстве социализма. Детального плана построения социализма Маркс и Энгельс не оставили. Правда, в политической области ответ был довольно ясен: необходимо было создавать государство в форме диктатуры пролетариата. И к построению такого государства революция приступила немедленно, тем более, что начавшаяся гражданская война не позволяла медлить.

Гораздо меньше ясности было в области преобразования экономики. Так, Энгельс в «Принципах коммунизма» предполагал существование после победы социалистической революции даже частной собственности до тех пор, пока не будут созданы производительные силы, необходимые для общественного коммунистического производства. В ответ на вопрос: *«Можно ли уничтожить частную собственность сразу?»* – он отвечает: *«Нет, невозможно, точно так же, как нельзя сразу увеличить имеющие производительные силы в таких пределах, какие необходимы для создания общественного хозяйства. Поэтому надвигающаяся по всем признакам революция пролетариата сможет только постепенно преобразовать прежнее общество и только тогда уничтожит частную собственность, когда будет создана необходимая для этого масса средств производства.»* [10 т

1, 86].

Таким образом, Энгельс исходил из необходимости соответствия производственных отношений производительным силам и после победы социалистической революции. Если до революции производительные силы еще не дозрели до необходимости полного обобществления производства, то это положение останется верным и после революции, поскольку сам факт революции в положительном направлении на производительные силы почти не влияет (по крайней мере, на их «неодушевленную» часть).

Однако в последующих трудах классиков марксизма этот сценарий Энгельса не развивался. Напротив, уже в «Манифесте коммунистической партии» он звучит уже очень глухо: *«Пролетариат использует свое политическое господство, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства....»* Т. е. постепенность трактуется лишь как вынужденная мера вследствие неизбежных нарушений при быстром преобразовании собственности, а не обусловленная недостаточностью развития производительных сил. Упор делается на противопоставлении общественной социалистической собственности и частной капиталистической. Такое противопоставление естественно вытекает из теории Маркса, которая выводит экономическую целесообразность замены на определенном уровне развития производительных сил капиталистического рынка на коммунистическое обще-

ственное производство. Существенным в этом выводе является именно соответствующий для коммунизма уровень развития производительных сил. При недостаточном уровне должна вступить в действие рекомендация Энгельса о постепенном переходе.

В России как раз уровень развития производительных сил был явно недостаточен. И Ленин прекрасно сознавал это. Еще в «Апрельских тезисах» он писал о неготовности России к «введению социализма»: *«Партия пролетариата никоим образом не может задаваться целью «введения» социализма в стране мелкого крестьянства, пока подавляющее большинство населения не пришло к сознанию необходимости социалистической революции»* [1 т 3, 168]. Однако вскоре начался отход от этой позиции.

Уже в работе «Государство и революция», написанной в августе – сентябре 1917 года, Ленин приводит лишь точку зрения Маркса в «Критике Готской программы», согласно которой в переходный от капитализма к коммунизму период (т. е. при социализме) должна господствовать общественная собственность (*«Средства производства уже вышли из частной собственности отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу»*). Однако, говоря о господстве общественной собственности при социализме, Маркс подразумевал, что этот переход произошел тогда, когда капитализм **готов** к превращению в социализм, т. е. развиты **такие производительные силы, что обоб-**

щественные не приведет к уменьшению эффективности производства.

В России же капитализм **не был готов** для социализма, что Ленин признавал в «Апрельских тезисах», но совершенно обошел в «Государстве и революции». Это уже был признак отхода от правильного пути преобразований, появления соблазна ускорить, используя государственную власть, социальное развитие России.

А.П. Бутенко приводит две причины такого отхода: *«Во-первых, у большевиков все еще сохранилась вера в то, что главное спасение революционной России – в мировой революции... Поэтому с самого начала и не было такой нацеленности, чтобы искать внутренние источники продвижения к социализму. Считалось, что важно только «продержаться», мобилизуя все возможное, стремясь достичь этого «любыми путями» и «любими средствами». Это означало допустимость отступления от необходимого, от устойчивых форм экономического союза города и деревни, допустимость «чрезвычайных мер» в виде продразверстки, игнорирующей материальные интересы большинства населения – крестьянства... Во-вторых, не только концептуальная вера в мировую революцию, но и реальные условия того времени не содержали действительных материальных средств для создания здоровых экономических отношений между городом и деревней, рабочими и крестьянами. Выменивать крестьянский хлеб в условиях разрухи и голода в городах бы-*

ло не на что. Для экономической смычки, не говоря уже об эквивалентном обмене, тут не было никакой материальной базы. Если политика есть искусство возможного, то рамки этого возможного лежали здесь за пределами соблюдения экономических интересов, ибо получить необходимые ресурсы, и прежде всего хлеб, армия и город могли только с помощью административно-мобилизационных мер, насильственно отбирающих хлеб у крестьян и принуждающих рабочих трудиться за жалкий хлебный паек» [11, 79].

Кроме идеологической установки и реальной экономической ситуации переход к немедленному обобществлению диктовался и наличием сопротивления свергнутых эксплуататоров, актами саботажа....

Период планового управления экономикой в 1917–1921 г.г. в сочетании с чрезвычайными мерами, вызванными гражданской войной, получил название «военного коммунизма».

Характер военного коммунизма в сельском хозяйстве по Ленину: «Своеобразный «военный коммунизм» состоял в том, что мы практически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьян продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги. Иначе победить помещиков и капиталистов в разоренной мелкокрестьянской стране мы не могли» [1 т43, 219].

«Военный коммунизм» был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой.» [1 т43, 220].

Из этих цитат следует, что переход от немедленного обобществления производства к постепенному переходу к нему от частной собственности по сценарию Энгельса мог бы произойти много раньше, если бы не гражданская война. Переход этот был осуществлен в виде нэпа сразу после окончания гражданской войны. В сельском хозяйстве нэп состоял в замене продразверстки продналогом, после уплаты которого крестьянин имел право продавать излишки на свободном рынке: *«Продналог есть одна из форм перехода от своеобразного «военного коммунизма», вынужденного крайней нуждой, разорением и войной к правильному социалистическому продуктообмену» [1 т 43, 219].*

Нэп привел к возрождению мелкой буржуазии, т. е. капитализма, но при господстве социалистического сектора экономики и социалистического государства. Таким образом, произошел переход к строительству социализма по сценарию Энгельса, изложенному в «Принципах коммунизма».

2.4. Оптимальная модель хозяйственного механизма развитого социалистического общества

Итак, с переходом к нэпу Советская Россия вступила на

путь преобразований общественного строя, соответствующего основному экономическому закону Соответствия, т. е. на **правильный путь**, на столбовую дорогу развития человеческой цивилизации. Затем под влиянием объективных и субъективных обстоятельств страна сошла с этого пути. И снова вопрос о поиске правильного пути развития экономики возник в 1953 году, после смерти Сталина. Вообще говоря, уже не было смысла возвращаться к нэпу образца 20-х годов: поскольку уже почти отсутствовали эксплуататорские классы и уровень развития производительных сил был гораздо выше. («Почти» означает, что не было легальных эксплуататоров, но нелегальные в виде криминальной буржуазии существовали.) Т. е. реформу нужно было проводить без преобразования части общественного сектора в частный (что сейчас называется приватизацией).

Однако уровень развития производительных сил был явно недостаточен для того, чтобы чисто социалистические производственные отношения, основанные на плановом хозяйственном механизме работали эффективнее, чем капиталистические. Длительные сроки планирования (необходимое оборудование нужно было заказывать за два года) сдерживали научно-технический прогресс.

Каков же должен был быть нэп образца 1953 года? В соответствии с общим принципом, изложенным выше, переходному периоду от капитализма к социализму соответствует и переходный хозяйственный механизм, т. е. состоящий из

обоих элементарных хозяйственных механизмов, планового и рыночного, соответствующих тем формациям, между которыми существует социализм.

Такой хозяйственный механизм будем называть **плано-во-рыночным**. Рассмотрим варианты реализации плано-во-рыночного хозяйственного механизма (ПРХМ).

Для того чтобы функционировал рыночный хозяйственный механизм, предприятия должны обладать значительной самостоятельностью: они должны иметь право в рамках рыночного сектора, не спрашивая никого, продавать продукцию, распоряжаться доходом, покупать необходимое для производства сырье и машины. . . . Т. е. они должны находиться по доперестроечной терминологии на полном хозрасчете. Плановый сектор в этом случае реализуется для предприятия в виде обязательного к исполнению государственного заказа, выданного на законодательно закрепленный объем производства. Госзаказы по всей экономике составляют государственный план, который для каждого предприятия определяет поставщика и потребителя продукции.

В другом варианте ПРХМ одна часть предприятий составляет плановый сектор, а другая – рыночный. Возможна и комбинация этих вариантов. Она, очевидно, как, более общая и должна быть оптимальной. Такая форма организации экономики на основе плано-рыночного хозяйственного механизма получила название **двухсекторной экономики**. Она позволяет создать эффективную экономику, по-

сколькx содержит в себе мощный рычаг управления: соотношение объемов планового и рыночного секторов, который подбирается из условия достижения наибольшей эффективности. Если не происходит дискриминации рыночного сектора (например, за счет его административного сокращения в угоду амбициям вождей войти в историю в качестве строителей коммунизма), социалистическая планово-рыночная экономика имеет преимущество перед капиталистической экономикой, где развитие государственного сектора сдерживается идеологическими ограничениями со стороны буржуазии, видящей в нем опасность для своего господства. Возможность неограниченного использования потенциала обоих хозяйственных механизмов и определяет потенциальную возможность победы социализма в экономическом соревновании с капитализмом.

Планово-рыночный хозмеханизм позволял осуществить плавный переход от экономики «застоя» к оптимальной экономике социализма. В разделе 3.2 при анализе «застойного» хозмеханизма будет проведен дополнительный анализ и ПРХМ.

Итак, ответ на поставленный в начале главы вопрос: «план» или рынок» – таков: и «план» и «рынок», их оптимальное для эффективности экономики социализма сочетание.

Глава 3

Развитие контрреволюции

В этой главе мы рассмотрим подробнее «технология» контрреволюции, этапы и закономерности ее развития. В главе 1 было изложено известное положение Троцкого, что переход власти к высшей бюрократии при Сталине, выделение ее в правящий псевдокласс создало объективные предпосылки реставрации капитализма ввиду естественного стремления бюрократии реализовать свою власть в виде собственности.

Однако при Сталине это стремление не могло быть реализовано, так как Сталин строил социализм и бюрократию считал лишь **необходимым инструментом** в достижении этой цели. Реализовываться созданные Сталиным предпосылки в соответствии с моделью Троцкого стали лишь после его смерти. Здесь различаются по именам лидеров СССР три периода: Хрущевский, Брежневский и Горбачевский. Первые два лидера создавали (вероятно, против своей воли как, впрочем, и Сталин) все более серьезные предпосылки для контрреволюции, а последний реализовал эти предпосылки.

3.1. Хрущевский период

После смерти Сталина Хрущев не сразу стал лидером: был некий «смутный», но непродолжительный период борьбы за

власть в правящей верхушке КПСС.

Все наследники Сталина понимали, что необходимы перемены. Как в системе власти, так и в экономике. Все были едины, что необходимо прекращение репрессий. И они были, практически, прекращены. Тот объем преследований и их жесткость, которые сохранились, существуют, практически, во всех «цивилизованных» странах.

Все были едины в том, что должна сохраниться основа устойчивости социалистического государства – руководящая роль КПСС. И до перестройки нам все время напоминали «о необходимости укрепления и повышения руководящей роли партии». Не очень, вообще говоря, удачная формулировка, вызывавшая язвительные насмешки:» дескать куда еще повышать?» Хотя если вдуматься, она имела определенный смысл, поскольку на деле **руководящая роль КПСС непрерывно падала**, заменяясь руководящей ролью все более коррумпирующейся высшей бюрократии, вследствие чего ее и нужно было постоянно повышать.

Все были едины, что необходимы преобразования экономики. Однако в этом вопросе, как и после Октябрьской Революции 1917 г., было гораздо меньше ясности. Не было проведено массового теоретического поиска в области экономики, осталась зашоренность и боязнь «впасть в ересь». В результате оптимальная планово-рыночная модель хозяйственного механизма не была найдена и период Хрущева увенчался Совнархозами, когда единая экономика страны

была раздроблена на десятки мелких, связи между которыми были достаточно слабы. Отрицательные результаты не замедлили сказаться и послужили одной из причин отстранения Хрущева от власти. Правда, это отстранение было достаточно «цивилизованным»: Хрущев не был репрессирован и умер своей смертью, хотя и не избежал политической смерти, в результате которой период его правления был объявлен периодом «волюнтаризма». Обвинение, конечно, совершенно вздорное: любому другому периоду советской истории можно присвоить это имя.

Хрущев как бы поплатился за политическое убийство Сталина, которое он совершил в своем докладе на XX съезде КПСС, разоблачив культ личности Сталина. Это разоблачение стало вторым «великим деянием» Хрущева после Совнархозов.

Возможно, какое-то осуждение репрессий, проводимых во времена Сталина, было необходимо. И фактический материал, представленный Хрущев съезду, выглядит правдоподобно (хотя многие независимые исследователи доклада Хрущёва считают его полностью клеветническим [6]). Но все дело в характере подачи, которое приняло характер трусливого покаяния, поскольку, во-первых, и сам Хрущев участвовал в репрессиях, но свалил все только на Сталина, а во-вторых, доклад был засекречен. Все это создало тяжелую моральную атмосферу в обществе и послужило в немалой степени дискредитации социализма.

Могло ли открытое опубликование доклада Хрущева улучшить ситуацию? Едва ли. Скорее – наоборот. Все равно – это было бы покаяние, а фигура кающегося, что бы ни утверждала на эту тему христианская религия, не вызывает симпатии у людей: **люди не склонны прощать кающемуся в тяжких преступлениях – они жаждут отмщения** (как, впрочем, и Бог в соответствии с Библией).

Поэтому более полезна была бы **открытая полная оценка деятельности Сталина**, из которой бы следовало, что, да, были ошибки и применялись методы, некоторые из которых **нам теперь не нужны**, а некоторые **вообще нельзя применять**, но **общий баланс деятельности товарища Сталина положителен**, поскольку создана Великая держава, побежден сильнейший враг в виде Гитлеровской Германии, а недостатки нам нужно исправить – на ошибках учатся.

Подтверждением правильности положения «о вреде излишней критики и самокритики» является отношение к оценке деятельности Мао-Цзедуна в Китае. Там критики его, практически, не было, хотя «дров он наломал» значительно больше, чем Сталин, доведя экономику Китая с помощью Большого скачка и Культурной революции до кризисного состояния. Отсутствие нервозности, которую бы вызвала критика ошибок Мао-Цзедуна, создало благоприятные условия для Денсяопиновских реформ.

Дело в том, что не все можно исправить покаянием. Вернее, даже почти ничего нельзя исправить: нельзя воскре-

силье мертвых, вернуть потерянное в тюрьмах здоровье.... Даже имущество и земли репрессированным народам вернуть нельзя без того, чтобы не репрессировать тех, кому это имущество и земли **на законном основании** были переданы. Так попытка «восстановить справедливость» в отношении репрессированных народов на Кавказе обернулась кровавыми конфликтами, геноцидом по отношению к русским в Чечне, т. е. привели к последствиям **гораздо более тяжким**, чем при репрессировании тех народов во времена Сталина.

Нельзя все исправить. Можно лишь принять к сведению ситуацию и попытаться ее уладить с **учетом интересов всех вовлеченных**, а не только обиженных. Однако Хрущев не мог подняться до осознания всей деятельности Сталина и пренебречь личными обидами на крутого вождя.

При Хрущеве сохранилась по форме авторитарно-бюрократическая модель социализма. По воспоминаниям очевидцев она даже стала более авторитарной, чем при Сталине. И. А. Бенедиктов, уже цитированный выше, вспоминает: *Хрущев, действия которого со временем все больше определялись личными амбициями, относился к специалистам, особенно «инакомыслящим», иначе (в отличие от Сталина – Авт.). В моду стали входить те, кто умел послушно поддакивать, вовремя предугадать и «научно обосновать» уже сложившееся мнение Первого, которое он не менял далее вопреки очевидным фактам...»*

«Именно Хрущев начал избавляться от людей, способных твердо и до конца отстаивать свои взгляды. Многие сталинские наркомы, привыкшие говорить в лицо самую горькую правду, постепенно уходили со своих постов. А те, кто оставался, превращались, за редким исключением, в умных царедворцев, прекрасно сознававших вею пагубность хрущевских «начинаний», но считавшихся со сложившейся расстановкой сил и тем, кто её в конечном счете определял...» [6, 7].

Два существенных «прокола» Хрущёва в области политики и экономики, значительно ослабили позиции социализма (прежде всего, его поддержку массами трудящихся). Особенно вредно было разоблачение культа личности, нанесшее буквально смертельный удар международному коммунистическому движению.

Во внутренней политике разоблачения культа привело к огульной реабилитации репрессированных, что способствовало приходу к власти могильщиков социализма Горбачёва и Ельцина, анкеты которых были не безупречны и при отсутствии разоблачения культа не позволили бы подняться им к вершинам власти.

В области хозяйственного строительства за период правления Хрущева, несмотря на Совнархозы, СССР существенно продвинулся вперед и увеличил свою относительную экономическую и военную мощь, став второй сверхдержавой в мире.

3.2. Брежневский период

Место Хрущева на посту генсека (тогда Первого секретаря) занял Л.И. Брежнев. Бытует мнение, что он был малоинициативным человеком и, фактически, декоративной фигурой, прикрывавшей власть «коллективного руководства».

Правление Брежнева началось с так называемой Косыгинской реформы, призванной, по мнению ее авторов, исправить ошибки Хрущевских Совнархозов. Однако на деле вместо исправления ошибок были сделаны другие, еще более тяжелые.

По этой реформе предприятия получили некоторую самостоятельность, плановые натуральные показатели были заменены в основном на денежные. В последующем положительные элементы реформы (самостоятельность предприятий) были сведены на нет, а отрицательные (денежный вал) остались. Денежный вал (отчет о выполнении плана в деньгах) привел к тому, что предприятия стремились выполнить его за счет выгодных в производстве изделий. В результате возникли дефициты некоторых ходовых товаров.

Ослабление планового начала привело к замедлению научно-технического прогресса, а, следовательно, и темпов роста. Последнее компенсировалось закупкой потребительских товаров за нефтедоллары, появившиеся в изобилии после закрытия Суэцкого канала и роста цен на нефть. Шаль-

ные нефtedоллары способствовали закупке за рубежом и многих сырьевых компонентов для легкой и пищевой промышленности, что поставило их в зависимость от Запада. А закупка за рубежом готовых заводов для производства товаров широкого потребления подорвало наше машиностроение для легкой и пищевой промышленности.

В чем отличие оптимального планово-рыночного хозяйственного механизма социалистического общества, рассмотренного в разделе 2.4, от хозяйственного механизма косыгинских реформ? Отличие в том, что **в косыгинском механизме рыночные принципы внедрялись внутрь планового механизма** в качестве управляющих. Они-то и разлагали план, как об этом говорилось выше. Несовместимость планового и рыночного хозяйственных механизмов в качестве основных механизмов экономики была показана еще Г. Поповым в его книге «Эффективное управление». Чтобы плановый и рыночный механизмы не мешали друг другу, они должны действовать независимо, каждый на своей основе, т. е. располагаться **рядом**, а не один внутри другого. Т. е. критерием эффективности планового хозяйственного механизма должно быть выполнение плана, а не получения прибыли. Точно также как критерием эффективности рыночного хозяйственного механизма должно быть получение эффективной прибыли, а не выполнения принятого для этого плана. Корректировка плана, который существует в обоих механизмах, может быть сделана также в обоих случаях,

но в плановом механизме она делается для получения более эффективных потребительских стоимостей, а в рыночном – более высокой прибыли.

В планово-рыночном хозяйственном механизме, рассмотренном в 2.5., плановый и рыночный механизмы располагаются **рядом**, а в косыгинских реформах рыночный был **встроен внутрь** планового, что является наиболее неэффективным сочетанием двух хозяйственных механизмов. Т. е. механизм косыгинских реформ был хуже, чем просто плановый механизм, который существовал при Сталине.

Итак, планово-рыночный хозяйственный механизм, модель двухсекторной экономики так и не были реализованы. В чем причина? Прежде всего, в отрицательных последствиях культа личности Сталина. Как известно, общественные науки во времена Сталина находились под контролем вождя. Что там было верно, определялось только им. Этот запрет на самостоятельные исследования, на какие-либо отклонения от установленных догм в значительной степени сохранился и после смерти Сталина. Поэтому поиски улучшения велись только в рамках планового хозяйственного механизма, на котором была основана советская экономика. Выйти за его рамки мешал тот факт, что теории рыночного социализма были взяты на вооружение ревизионистами и западной пропагандой. То, что рыночные преобразования могут использоваться для реставрации капитализма, это ясно. Но научный подход позволил бы легко разобраться когда, при

каких условиях это происходит. Когда лекарство превращается в яд.

Период между отставкой Хрущева и началом Перестройки в 1985 году получил название эпохи «застоя». С точки зрения социального и экономического развития – это было время упущенных возможностей. Прежде всего, не была разработана научная концепция дальнейшего развития социализма. Политическая модель стала чисто бюрократической. В области экономики недостаточно эффективная, но цельная плановая система сталинского периода была заменена на внутренне противоречивую систему реформы 1965 года, т. е. на более худшую. Бездарно были проедены сотни миллиардов нефтедолларов, на которые можно было перевооружить значительную часть экономики.

Ликвидация обязательных для руководящих работников жестких требований сталинского аскетизма и ориентация на материальные стимулы приводила ко все большему разложению правящей партийно-государственной верхушки, ко все большему ее отходу от провозглашаемой идеи служения народу. В ряде мест партийная элита срослась с кланами криминальной буржуазии, а кое-где эти кланы даже легализовали себя в виде партийно-государственных деятелей. Например, знаменитый во время Перестройки Адылов. Так международное агентство новостей «Фергана» в статье «Из тюрьмы выпущен арестованный еще во времена СССР Ахмаджон Адылов» (05.06.2008 22:33 msk. Фергана. Ру) сообща-

ет: «После его ареста в 1984 году советская пресса писала о колоссальных хищениях государственной собственности и средневековом произволе. Сообщалось, что Адылов имел в своем распоряжении чуть ли не личную армию, а провинившихся подчиненных безнаказанно убивал, бросал в подземелье...». Но после контрреволюции, естественно, появилось другое мнение, что он пострадал из-за намерений разоблачить коррупцию в руководстве Узбекской ССР.

В обществе воцарилась атмосфера апатии и цинизма, нарастало острое недовольство отставанием в уровне жизни, прежде всего, от передовых стран Запада. Возник всё углубляющийся кризис социализма. Общество подходило к опасной черте революционной ситуации.

3.3. Идеологическая борьба с Западом

Борьба за социализм в сфере идеологии проявлялась как борьба с Западной подрывной пропагандой. Силы социализма в ней представляли идеологические партийные органы, полностью контролировавшие средства массовой информации и вовлекавшие часть населения в систему политического просвещения.

Наступательная инициатива была на стороне Запада. В области экономики наилучшим показателем преимуществ капитализма было более высокое качество западных товаров и более высокий, чем в СССР уровень жизни в развитых им-

периалистических странах. Особенно высоким этот уровень жизни казался посещавшим Запад туристам, знакомившихся с тамошней жизнью в основном по богатейшим по сравнению с советскими витринам магазинов. Их рассказы были, вероятно, более мощной пропагандой, чем передачи Западного радио.

В политической области Запад опирался на замаскированный характер руководящей силы общества – буржуазии, что позволяло ему представлять классовую буржуазную демократию как подлинное народовластие. Конкретно сравнение шло по большей свободе выбора для западного избирателя, который мог выбирать между несколькими кандидатами, представлявшими разные партии. Разумеется, это были, как правило, представители господствующего класса, т. е. полностью сохранялась характеристика буржуазной демократии, данная Марксом: *«... один раз в три или шесть лет решать какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте...»* [12 т 17, 342]. Однако советский избиратель не мог даже этого. На выборах ему предлагался один безальтернативный кандидат, выдвинутый на собрании трудящихся по представлению партийных органов и администрации предприятия. Выдвинуть какого-либо другого кандидата было, практически, невозможно. Т.е эксплуатировалось противопоставление «демократической» многопартийности на Западе и тоталитарной однопартийности в СССР.

Другим выигрышным для буржуазной пропаганды было ограничение поездок советских граждан за границу. Они разрешались после тщательной проверки кандидата на поездку на «благонадежность». Поездки ограничивались по причинам подрывной деятельности западных спецслужб, специально старавшихся склонить советских туристов к невозвращению в СССР, как в пропагандистских целях, так и для нанесения экономического ущерба СССР в результате потери специалистов высокой квалификации.

Второй и, вероятно, не менее важной причиной были причины финансовые: снабжать туристов валютой должно было государство, а валюта, естественно, была нужна для экономики. В противоположность этому гражданин Западной страны мог почти свободно перемещаться по всему миру в меру своих финансовых возможностей.

Эти атаки советская пропаганда отбивала не очень убедительно. В области экономики утверждалось, что уровень жизни трудящихся на Западе не так уж и высок, что он требует очень напряженной работы и моральной платы в виде неуверенности в завтрашнем дне. Во-вторых, высокий уровень жизни на Западе обеспечивается эксплуатацией стран третьего мира. В третьих, советский гражданин пользовался большими экономическими свободами (права на труд, на бесплатное образование и медицинское обслуживание....) Объяснения, конечно, справедливые для честного политика – профессионала (хотя, много ли таких найдешь), но рас-

сказы туристов с Запада о великолепии тамошних магазинов выглядели для рядового гражданина гораздо более убедительными. «Сытый голодного не разумеет». Так и советский гражданин, скромное благосостояние которого было стабильно, не мог понять страха перед безработицей. Не видел он особого преимущества и в своих экономических свободах, ведь он **их имел и поэтому не ценил**.

Более высокое качество Западных товаров было «опровергнуть» еще труднее. Здесь говорилось, что не все у нас плохое, ну, например, наши турбины лучше. Но турбины рядовому гражданину как-то не нужны, ему нужна надежная и качественная бытовая радиоаппаратура. Т. е. победа в экономической области доставалась Западу.

В области политической было не лучше, особенно если учесть экономические преимущества Запада. Ограничения свобод советский гражданин бы еще стерпел, если бы его благосостояние было не хуже чем у «западника», но неполноценность по почти всем сторонам бытия он терпеть не хотел: «так жить нельзя»!

Существенно эксплуатировалась Западом и тема репрессий, ГУЛАГа, хотя уровень репрессий в брежневском СССР был в общем на уровне «цивилизованных» государств.

Плохо разъяснялось и такое фундаментальное для социализма положение, как «руководящая роль партии». Оно сводилось к не очень убедительному разъяснению постоянного возрастания этой роли. Рассмотрим пример разъяснения в

книге «Социалистическое общество на современном этапе».

«Руководящая и направляющая роль Коммунистической партии обусловлена классовой сущностью социалистического общества, в котором ведущей силой выступает рабочий класс. И естественно, что повышение роли рабочего класса в жизни общества сказывается и на дальнейшем усилении руководящего влияния партии на общественные процессы.» [13, 325]. В действительности же люди не видели никакого повышения роли рабочего класса. Как командовало начальство, так и продолжало командовать. Если что и возрастало, так это – роль технической интеллигенции: вследствие научно-технического прогресса ее становилось все больше.

«Это усиление необходимо и потому, что по мере продвижения к зрелому социализму и его совершенствования становится теснее и глубже взаимозависимость экономического, социального, политического и духовного прогресса общества. Только партия, вооруженная марксизмом-ленинизмом, может разрабатывать правильную программу, политику, стратегию и тактику и обеспечивать комплексный подход к решению проблем общественного развития. Только она способна объединять вокруг рабочего класса всех трудящихся, направлять, организовывать и вести их к достижению целей, вытекающих из объективных законов развития общества..» [13, 326]. Интеллигент же не хотел объединяться вокруг рабочего класса, который он представлял в виде

соседа-пьяницы. И вообще эта фраза скорее подтверждает образ тоталитарного общества, создаваемый Западной пропагандой. (Хотя на деле, конечно, никакого тоталитарного контроля жизни общества во времена после Сталина уже не было. Были лишь потуги.) Т. е. подобное «обоснование» руководящей роли било мимо цели и скорее служило врагу.

В целом идеологическая борьба за души советских людей была проиграна советской пропагандой. Можно ли было ослабить это поражение? Проанализируем возможные варианты изменений, которые позволили бы это сделать.

Например, свобода поездок за границу. Разумеется, о полной свободе не могло быть речи ввиду уже упомянутой подрывной деятельности Запада по переманиванию специалистов. Но ограничения в свободе для этих категорий нужно было компенсировать более высокой оплатой. Для остальных категорий все ограничения могли быть отменены (особенно для деятелей культуры), при условии, что государство снимало с себя обязанность снабжать туристов валютой сверх определенной доли национального дохода. При этом осталось бы только это естественное экономическое ограничение. Вероятно, оно все же воспринималось бы легче, чем проверка «благонадежности». Поездки «выездных» граждан по своей инициативе могли бы осуществляться либо за счет разыгрывания в лотерее, выделяемых для этого средств, либо за счет зарубежных благодетелей (спонсоров). Такая свобода поездок вполне могла быть осуществлена без каких-либо

изменений «системы».

Об альтернативности выборов. Вполне в положении о выборах можно было записать положение об обязательной альтернативности. Тогда советская система соответствовала бы буржуазной демократии: там трудящиеся получают возможность выбрать из двух представителей буржуазии одного, а здесь – из двух кандидатов (среди которых не только представители бюрократии, но и трудящиеся) – одного. Но это означало бы уже заметное ограничение власти бюрократии. Такая система возможна при сильном вожде, когда низшая бюрократия «не смеет пикнуть», но при слабом она невозможна, т. к. лишает бюрократов **гарантированного** рычага власти, а, следовательно, и получения доходов, поскольку собственностью бюрократа (по Марксу) является власть. Для буржуазии капстран обладание властью менее значимо, поскольку они имеют материальную собственность. Поэтому западному буржую выгоднее смириться с негарантированным доступом к власти ради гарантированного обладания материальной собственностью. Т. е. можно сказать, что безальтернативность выборов при системе бюрократического социализма и альтернативность при капитализме обусловлены разницей между псевдоклассом бюрократии при социализме и классом буржуазии при капитализме. Однако можно дать и другое объяснение: просто сложилась такая традиция и власть не хотела её менять.

О качестве товаров и удовлетворении потребительского

спроса. Для улучшения этих характеристик качества жизни необходимо было существенное изменение хозяйственного механизма и общей экономической политики. Чтобы повысить качество нужно было заинтересовать в этом предприятия. В рамках планового и застойного хозмеханизмов это пытались делать с помощью показателей. Но практика показала, что любые показатели так или иначе обходятся. Наиболее надежным является контроль самого потребителя, т. е. необходимо было использование рыночного регулирования, которое возможно при социализме в рамках планово-рыночного хозяйственного механизма, описанного в разделе 2.4. Разумеется, положение можно было бы несколько улучшить и при возвращении от застойного механизма к чисто плановому. Для удовлетворения спроса кроме улучшения хозмеханизма необходимо было сокращение бремени военных расходов, поскольку удовлетворение потребностей людей в качественных и надежных товарах было таким же оружием в борьбе с Западом, как и ракеты (обилие которых, как известно, не спасло страну). Другим источником ресурсов являлось сокращение вовлечения в грандиозные экономические «проекта века», ограничения appetites ведомств в растаскивании общественно «пирога». Но это также означало бы серьезное ограничение власти бюрократии, поскольку борьба за бюджет означала реализацию ее права собственности на государство.

Таким образом, наиболее реальным, не затрагивающим

власть бюрократии был бы переход к планово-рыночному хозяйственному механизму, реализованный в Китае, но не реализованный у нас из-за идеологической зашоренности и экономической некомпетентности высшего партийного руководства. Остальное затрагивало власть бюрократии, поэтому нужно было, как модно было глубокомысленно говорить в брежневские времена, «менять систему». Большинство говоривших на основе простого сравнения советской и западной действительности понимало под этим переход к капитализму. Другой альтернативой была ликвидация бюрократических извращений социализма (см. главу 5).

Если бы удалось сократить бремя военных расходов и «проектов века», то можно было бы решить и продовольственную проблему и проблему ширпотреба за счет увеличения импорта товаров с Запада, т. е. тем же путем, который был реализован «демократами» в 1992 г. Но сделать это тогда можно было гораздо дешевле, без развала экономики. Вред от конкуренции западного ширпотреба можно было бы компенсировать увеличением экспорта отечественных товаров (что реализовали «демократические челноки») и политикой цен (дешевые отечественные товары и дорогие – импортные).

3.4. Вторая модель социализма

Несмотря на большие недостатки, отмеченные выше, при

Хрущеве и Брежневеве был осуществлен переход от авторитарно-бюрократической жесткой сталинской модели социализма к тоже **авторитарно-бюрократической, но либеральной модели.** (Словом «модель» здесь и в других местах характеризуются разные типы надстройки при сохранении базиса.)

Ее отличие от сталинской состояло в том, что по уровню репрессий при подавлении инакомыслящих она стала соответствовать западному обществу. «Демократические» критики возразят: «А как же Новочеркасск?» Но он как раз в духе «цивилизованного» Запада: подобных примеров можно найти массу в истории буржуазной «демократии». Взять хотя бы расстрел чикагских рабочих. И разница в датах здесь не причем, поскольку американская демократия за это время не изменилась (вспомните, с какой гордостью «демократы» говорят о практической неизменности Конституции США). Изменилась только ситуация в Штатах: американской буржуазии теперь не нужно стрелять в своих рабочих, поскольку они не бунтуют. А не бунтуют они из-за той доли от грабежа всего мира, которую им подбрасывает американская буржуазия.

Можно найти и массу свежих примеров жестокого отношения к своим гражданам, вступающих в конфликт с властью. С. Кара-Мурза в статье «Слезоточивый душ» (Сов. Россия, 280396) дал много примеров. Первый пример: «...в 1988 г. в Гибралтаре агенты полиции застрелили на улице

трех известных республиканцев из Северной Ирландии. Как сказано в приговоре, «без всякой необходимости.» Они были безоружны, их никто не пытался арестовать – просто застрелили. По поводу приговора поднялся шум, рассерчали и Мейджор и Тэтчер. И тогда пошли в ход документы. Оказалось, что в Ольстере без суда и следствия были застрелены около 400 безоружных уже задержанных республиканцев...»

Второй пример: «Помню, в 70-е годы в центре Филадельфии разбомбили с вертолета дом, в котором обитала коммуна сектантов. Никто тогда не мог объяснить смысла этой акции. Так же необъяснимо поведение полиции в деле с сектой проповедника Кореша в 1993 г. Да, мракобесы заперлись на ферме и стали ждать конца света. Полиция решила это мракобесие пресечь. Но как? Сначала в течение недели оглушая сектантов рок-музыкой из мощных динамиков... А потом пошли на штурм – открыли по ферме огонь и стали долбить стену танком... Начался пожар, и практически все обитатели фермы сгорели – 82 трупа. А через год суд оправдал оставшихся в живых 11 сектантов – состава преступления в их действиях не было».

И, наконец, пример из жизни «демократической» России: расстрел Парламента в октябре 1993 г., не согласившегося с произведенным Президентом государственным переворотом. Войсками мятежного Президента убито от 150 до 1000 человек. Запад признал, что это все вполне в рамках «демократии» и не наложил на Ельцина и РФ никаких санкций.

По сравнению с этим Новочеркасск (убито 24 человека) кажется детской шалостью.

Сравним расстрел Парламента в 1993 г. и Новочеркасские события 1962 г. Последние опишем по свидетельству Википедии – интренет-энциклопедии [14], стоящей на вполне «демократических» позициях. Выступление рабочих Новочеркасского электровозостроительного завода произошло после повышения в конце мая 1962 г. розничных цен на «мясо и мясные продукты в среднем на 30 % и на масло – на 25 %»... Одновременно с этим дирекция НЭВЗа почти на треть увеличила норму выработки для рабочих». 1-го июня возникла стихийная забастовка, к которой присоединились работники других предприятий и горожане.

«К полудню количество бастующих достигло 5000 человек, они перекрыли железнодорожную магистраль, связывающую Юг России с центром РСФСР, остановив пассажирский поезд Ростов-на-Дону – Саратов. На остановленном локомотиве кто-то написал: «Хрущёва на мясо!». Пытавшегося прекратить вандализм главного инженера Ёлкина избили и хотели кинуть в топку, но до этого не дошло».

Ближе к вечеру к протестующим обратилось партийное руководство, но их освистывали и перебивали «оскорбительными криками. А пытавшегося взять... слово директора Курочкина забросали камнями, металлическими деталями и бутылками...

С 18:00 до 19:00 к заводууправлению были подтянуты

сводные части милиции в форме, численностью до 200 человек. Милиция попыталась оттеснить митингующих с территории завода, но была смята толпой, а трое сотрудников избиты. Армия за весь день активных действий не принимала...

Тем временем митинг продолжался. Звучали требования: послать делегацию на электродный завод, отключить подачу газа с газораспределительной станции, выставить пикеты у заводоуправления, собраться на следующее утро в 5–6 часов и идти в город, чтобы поднять там восстание, захватить банк, телеграф, обратиться с воззванием по всей стране».

Ночью на территорию завода вошли танки с солдатами и без применения оружия вытеснили протестующих, «...ранения получили несколько солдат».

Развязка наступила 2 июня, когда протестующие собрались у здания горисполкома.

«Председатель горисполкома Замула и другие руководители предприняли попытку с балкона через микрофон обратиться к подошедшим с призывом прекратить дальнейшее движение и возвратиться на свои рабочие места. Но в стоявших на балконе полетели палки, камни, одновременно из толпы раздавались угрозы. Часть протестующих ворвалась внутрь здания и разбила стекла окон, двери, повредила мебель, телефонную проводку, сбросила на пол люстры, портреты.

К зданию горисполкома прибыл начальник Новочеркасского гарнизона генерал-майор Олешко с 50 вооружёнными автоматами военнослужащими внутренних войск, которые, оттесняя людей от здания, прошли вдоль его фасада и выстроились лицом к ним в две шеренги. Олешко с балкона обратился к собравшимся с призывом прекратить погромы и разойтись. Но толпа не реагировала, раздавались различные выкрики, угрозы расправы».

После этого было произведено два залпа поверх толпы, а затем открыт огонь на поражение, поскольку стрельба вверх на толпу не подействовала.

Всего погибло 24 человека. 240 человек было арестовано. Состоялся суд. 7 зачинщиков были расстреляны (слово зачинщики Википедия, естественно, помещает в кавычки), а 105 получили 10–15 лет колонии строгого режима.

В «демократической» России все осуждённые были, естественно, реабилитированы в 1996 г.

Расстрел Парламента РФ произошёл 4 октября 1993 г. Вот как описывает его Ю. Воронин, первый заместитель Председателя Верховного Совета РФ в книге «Стреноженная Россия» [15]: «6.30. Раздаётся первая короткая очередь по Дому Советов. Смотрю в окно в задней комнате кабинета, выходящей на Краснопресненскую набережную. Танки! Они выстраиваются на противоположной стороне набережной и намосту. 10 танков, как потом выяснилось, Кантемировской дивизии...

В 7.00, разрушив баррикады у здания парламента, на площадь Свободной России прорвались 5 БМП с десантом на борту, вооружённым автоматическим оружием. БТР и БМП начали расстреливать людей в палатках, открыли огонь по окнам Дома Советов».

Воронин и иеромонах Никон по радио обратились к атакующим «с призывом приступить к переговорам...

В ответ только угрозы:

– Сидите и не рыпайтесь. Нам дана команда стрелять на поражение и свидетелей не оставлять.

После этого ещё жестче отдавались команды:

– Бить, бить, бить... Всех уничтожить! Пленных не брать. Стрелять на поражение этих бл...».

Расстрел Дома Советов в 1993 г. «демократические» СМИ и власть, естественно, не осуждают: Верховный Совет во всём виноват.

В Новочеркасских событиях власти до последнего пытались избежать кровавого финала, несмотря на многочисленные акты вандализма протестующих. А 4 октября 1993 штурм начался без всякого предупреждения с наказом «свидетелей не оставлять». А свидетелей не оставляют обычно при преступлении.

Кстати, в противостоянии Ельцинскому государственно-му перевороту автор, участвовавший во многих его мероприятиях, не видел особых актов вандализма. В прорыве к Белому Дому 3 октября были разбиты стёкла лишь у пожар-

ной машины, поливавшей демонстрантов.

Но вернёмся к модели социализма: главное в том, что при правлении Хрущева и Брежнева ушел в прошлое страх перед ночным стуком в дверь. Уровень формальных буржуазных свобод, о которых говорилось выше, был меньше. Но свободы эти большинству людей не нужны. А безопасность, **уверенность в завтрашнем дне нужна всем**. И гражданин, который «не трогал власть» **чувствовал себя в безопасности**. Т. е. по этому важнейшему критерию **либеральный хрущевско-брежневский социализм сравнился с капитализмом**. Таким образом, возникла более привлекательная, чем сталинская, **вторая модель социализма**.

Эта модель уже **не может быть названа тоталитарной**, поскольку контроль за жизнью рядового гражданина уже не был, практически, большим, чем в западных «демократиях».

Скептики возразят, а как же ограничения свободы выезда, обязательные политзанятия? Соцсоревнование? Ограничения выезда мы уже обсуждали выше – это просто мера безопасности в холодной войне (возможно и гипертрофированная). Подобные меры осуществляют и Западные «демократии»: например, периодически появляющиеся в США запреты на поездки граждан на Кубу. Политзанятия и соцсоревнование превратились, фактически, в некоторый не очень надоедливый ритуал. Действительно, политзанятия – это от 1 до 4 часов в месяц. Соцсоревнованием занимались (писа-

ли обязательства) в основном руководители раз в месяц или квартал.

Запад также имеет ритуалы: ходить в церковь (хотя, я думаю, большинство посещающих не интересуется проблемами религии: просто так принято, не сходишь – плохо подумают соседи, начальство....). А надоедливая реклама по телевидению. Наверное, многие в РФ согласились бы снова раз в месяц посещать политзанятия, чем слушать и смотреть ежедневно надоедливую и глупую рекламу. Т. е. **навязываемые обществу ритуалы существуют в любом обществе**. А другое общество – естественно, и другой образ жизни. Но, сравнивая непредвзято бывший советский и западный образ жизни, нельзя однозначно сказать, что один по всем параметрам хуже. Что-то лучше там, что-то было лучше тогда здесь.

3.5. Революционная ситуация в странах бюрократического социализма

Понятие **революционной ситуации**, введенное Лениным, показывает созревание общественной формации для социальной революции. Оно, как известно, отражается образной формулой: «низы не хотят жить по старому, а верхи не могут управлять по старому.» Это формула показывает, когда революция имеет шанс победить.

Если условия жизни таковы, что народ еще может терпеть,

а господствующий класс обладает достаточно надежным и мощным аппаратом подавления, то революцию совершить нельзя, поскольку, во-первых, некому ее будет совершать, а, во-вторых, если восстание все же начнется, то оно будет подавлено. Успех восстания возможен только тогда, когда массы настолько возбуждены, что может произойти массовое восстание по самому незначительному поводу, а власть и особенно ее аппарат подавления деморализован и неспособен поэтому организовать эффективное сопротивление восставшему народу.

По такому механизму проходили две великие революции Земли: французская буржуазная в 1789 г. и русская социалистическая в 1917 г.

В СССР возникла ситуация другого порядка: «и низы и верхи не хотели жить по старому», поскольку и те и другие не были удовлетворены объемом получаемых благ и характером их распределения. Такая ситуация, как показал опыт, является **революционной ситуацией нового типа**, характерной для социалистических стран с господством бюрократии.

В каком направлении произойдет революция? Троцкий считал, что существуют две возможности: либо бюрократическая контрреволюция и реставрация капитализма, либо политическая революция пролетариата за возвращение на путь подлинно социалистического развития [2]. Однако второй путь оказался нереальным. Почему? Дело в том, что

господство бюрократии выдавалось как внутренней, так и внешней антикоммунистической пропагандой за единственно возможную модель социализма. Поэтому борьба против бюрократии естественно становилась борьбой против социализма. К тому же слабые ростки всякого протеста (в основном не за социализм, а против) подавлялись репрессивной системой социалистических государств.

Т.е. революционная ситуация в станах бюрократического социализма приводит в случае реализации к реставрации капитализма, т. е. является **контрреволюционной**, по отношению к поступательному движению истории.

Важным вопросом всякой революции является вопрос о ее движущих силах. В буржуазной – это буржуазия, в социалистической – пролетариат. Здесь как будто бы имеет место трогательное единство сторон. Но явно, что пальма первенства принадлежит бюрократии, поскольку она стремится к четкой цели – обладанию собственностью. Тогда как трудящиеся просто чувствуют себя обманутыми социализмом, а поэтому не прочь жить «как в Америке», т. е. как в стране развитого капитализма. Т. е. революция, которая надвигается в стране бюрократического социализма – это бюрократическая контрреволюция.

Доказательством революционности ситуации, возникающей в странах бюрократического социализма (ниже будем ее называть также революционной ситуацией «второго рода») явились контрреволюционные перевороты, начавшиеся

в странах Восточной Европы с событий в Венгрии в 1956 г.

3.6. Восточно-европейский ревизионизм

В результате победы над Германией на территориях, освобожденных Советской Армией, возникли социалистические государства Восточной Европы. В них, естественно, установилась практически та же сталинская модель бюрократического социализма. Исключение составляла лишь, практически, самостоятельно освободившая себя Югославия. Ее руководитель Тито, сохранив верность сталинской модели политической организации общества, быстро разочаровался в плановой системе хозяйствования и стал искать выход из экономических трудностей на пути рыночной организации общественного хозяйства. За это он был проклят Сталиным как ревизионист, и Югославия была исключена из социалистического содружества. После смерти Сталина Хрущев «реабилитировал» Тито (однако не поспешил следовать по его пути в экономике).

Десталинизация, начатая XX съездом, вынудила реформироваться и сталинистские режимы восточноевропейских социалистических стран. Однако половинчатые реформы, проводимые правящими кругами, не удовлетворяли людей, которые жаждали более радикальных перемен. Недовольство инициировало движение за эти радикальные перемены как в народе, так и в самих правящих кругах. Т. е. воз-

ника та революционная ситуация нового типа, о которой говорилось в предыдущем разделе. Эти движения привели к имеющим революционный характер событиям в Венгрии (1956 г.), Чехословакии (1968 г.), Польше (1980 – 1981 гг.). В политическом плане движения стремились ликвидировать сталинистские режимы, перейти к буржуазно – демократическим формам правления, к «социалистическому плюрализму», что по Брусу (В. Брус – деятель польской «Солидарности») *«равносильно дозволению на базе социализма центров политической инициативы, независимых от правительства и, следовательно, если называть вещи своими именами, легальных форм организованной оппозиции»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.